
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 19 МАЙ 1975

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИН

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 19 (2496)

9 МАЯ 1975

ПЕРВОМАЙСКОЕ ПРИВЕТСТВИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС, ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР И СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР СОВЕТСКОМУ НАРОДУ

Дорогие товарищи!

Сегодня советский народ вместе с трудящимися всей планеты отмечает Первое мая — День международной пролетарской солидарности.

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР горячо поздравляют рабочих и колхозников, деятелей науки, техники и культуры, воинов Советской Армии и Военно-Морского Флота, ветеранов революции, войны и труда, советских женщин, славную молодежь — всех граждан Союза Советских Социалистических Республик с этим замечательным праздником!

Наша страна встречает нынешний Первомай в обстановке трудового и политического подъема масс. Советская Родина уверенно идет вперед по пути, намеченному XXIV съездом КПСС. Динамично развиваются социалистическая экономика, наука и культура, повышается народное благосостояние. Крепнут морально-политическая сплоченность советского общества, дружба и братство наших народов. Дальнейшее развитие получает социалистическая демократия, что ярко проявляется в ходе развернувшейся подготовки к выборам в Верховные Советы союзных, автономных республик и в местные Советы депутатов трудящихся. Успешно претворяется в жизнь выработанная партией Программа мира, растет международный авторитет и влияние СССР.

Советские люди глубоко сознают, что цели и планы ленинской партии — это цели и планы народа. Повсюду — в городах и селах, во всех уголках нашей необъятной Отчизны — кипит напряженная творческая работа. Перевыполнили планы производства продукции в истекшие месяцы 1975 года работники промышленности. Труженики сельского хозяйства организованно ведут весенние полевые работы, закладывают хорошие основы будущего урожая. Итоги первого квартала — убедительное свидетельство решимости советских людей выполнить и перевыполнить задания завершающего года девятой пятилетки.

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Советское правительство выражают твердую уверенность в том, что героический рабочий класс, славное колхозное крестьянство, народная интеллигенция еще выше поднимут знамя социалистического соревнования за досрочное выполнение плана 1975 года и пятилетки в целом, за достойную встречу XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза. Честь и слава всем, кто вдохновенным трудом укрепляет могущество социалистической Родины, приближает светлое будущее — коммунизм!

Нынешний Первомай отмечается в канун знаменательной даты — 30-летия Победы над гитлеровским фашизмом. Чем больше времени проходит с тех пор, когда отгремели последние залпы боевых сражений, тем ярче предстает перед миром величие бессмертного подвига советского народа и его доблестных Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. Наш замечательный народ высоко поднял над планетой и победно пронес сквозь огонь военных лет овеянное славой ленинское знамя, знамя Великого Октября, знамя социализма. Три послевоенных десятилетия показали, что именно социалистическое общество, страны социалистического содружества идут в авангарде борьбы за социальный прогресс, за мир и международную безопасность. Социализм и мир — неразделимы.

Коммунистическая партия и Советское государство последовательно проводят ленинскую внешнюю политику. Апрельский Пленум Центрального Комитета партии полностью одобрил практическую деятельность Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Брежневым Л. И. по осуществлению намеченной XXIV съездом партии Программы мира. Вместе с коммунистическими партиями братских стран социализма КПСС настойчиво борется за прочный мир и дружбу между народами, добивается углубления разрядки международной напряженности, превращения ее в необратимый процесс, утверждения принципов мирного сосуществования как нормы взаимоотношений между государствами с различным социальным строем.

Сохранение и упрочение мира — общее дело народов. Чтобы надежно обеспечить мир, требуются постоянные и активные усилия всех честных людей земли, каждого, кто желает счастья своему народу, заботится о судьбах человечества. Во имя победы идеалов мира и разума необходима тесная сплоченность борцов против империалистической реакции и агрессии.

В день Первомая мы шлем горячий привет и поздравления трудящимся братских социалистических государств. Их успехи в социально-экономическом и культурном строительстве являются ярким свидетельством великой преобразующей силы социализма.

Мы вновь торжественно заявляем о своей солидарности с нашими зарубежными братьями — трудящимися капиталистических стран. Рабочий класс и его союзники в странах капитала усиливают борьбу за свои жизненные права и интересы, за социальный прогресс, за мир, против гонки вооружений. В авангарде этой борьбы идут коммунисты. Высок их боевой дух, непоколебима вера в торжество правого дела.

Мы шлем свои поздравления народам, борющимся за национальную независимость, против угнетения и эксплуатации. Наши искренние симпатии и поддержка на их стороне.

Будем же и впредь крепить единство всех революционных отрядов современности, всех миролюбивых сил на земле!

Наша партия, советский народ, верные интернациональному долгу, сознавая всю огромную значимость великих свершений на пути коммунистического созидания, будут неизменно отдавать свои силы борьбе за торжество свободного труда, за прочный мир между народами, за социальный прогресс.

Слава великому советскому народу — народу-борцу, народу — строителю коммунизма!

Да здравствует 1 Мая — День международной солидарности трудящихся в борьбе против империализма, за мир, демократию, социализм!

Под ленинским знаменем, под руководством Коммунистической партии — вперед к победе коммунизма!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩА

НИН

ДЬ, 1 МАЯ 1975 ГОДА.

**Фоторепортаж
с Красной площади вели:
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ,
А. БОЧИНИН,
А. ГОСТЕВ**

Предвыборное собрание рабочих, инженерно-технических работников и служащих Московского завода счетно-аналитических машин. Выступает электромонтажник П. П. Пчелинцев.

Фото В. Будана. ТАСС.

ЕДИНСТВО

Уже менее полутора месяцев остается до выборов в Верховные Советы союзных и автономных республик и в местные Советы депутатов трудящихся. В обстановке высокой политической и трудовой активности проходит подготовка к выборам. Решение апрельского Пленума ЦК КПСС о созыве XXV съезда партии, тридцатилетие славной победы нашего народа в Великой Отечественной войне воодушевляют советских людей на новые свершения, новые успехи в социалистическом соревновании за досрочное выполнение заданий девятой пятилетки.

Избирательная кампания вступила в новый важный этап: избиратели выдвигают кандидатов в депутаты.

На предвыборных собраниях своими кандидатами в депутаты высших органов государственной власти союзных республик трудящиеся назвали товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, А. А. Гречко, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, Д. А. Кунаева, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, В. В. Щербицкого, П. Н. Демичева, П. М. Машерова, Б. Н. Пономарева, Ш. Р. Рашидова, Г. В. Романова, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова, В. И. Долгих, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева.

Более тысячи рабочих, инженеров, техников и служащих Московского завода счетно-аналитических машин присутствовали на предвыборном собрании по выдвижению кандидата в депутаты Верховного Совета РСФСР по Бауманскому избирательному округу столицы.

Собрание открыл секретарь парткома завода Б. И. Легков. Слово предоставляется электромонтажнику, ударнику коммунистического труда П. П. Пчелинцеву.

— От имени нашего коллектива,— сказал он,— я предлагаю выдвинуть кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР по Бауманскому избирательному округу выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева... Мы все хорошо знаем Леонида Ильича как верного ленинца, весь жизненный путь которого — яркий пример беззаветного служения партии, народу, великим идеалам коммунизма...

Собрание единогласно постановило выдвинуть Леонида Ильича Брежнева кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР по Бауманскому избирательному округу.

Многолюдное собрание коллектива московского завода «Изолятор» единогласно приняло постановление: выдвинуть кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР по Ленинградскому избирательному округу видного деятеля Коммунистической партии, Советского государства и международного коммунистического движения, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Николая Викторовича Подгорного.

В торжественной обстановке прошло собрание коллектива локомотивного депо имени Ильича Московской железной дороги. Собрание единогласно постановило выдвинуть видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Алексея Николаевича Косыгина кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР по Фрунзенскому избирательному округу столицы.

Лучших сынов и дочерей Отчизны называют советские люди кандидатами в депутаты Советов. Среди кандидатов — представители героического рабочего класса нашей страны. Новаторы и передовики производства, инициаторы патриотических начинаний в социалистическом соревновании. Кандидатами в депутаты верховных органов государственной власти республик выдвинуты, например, аппаратчица Московского завода медицинских препаратов № 2 Л. Д. Иноземцева, токарь ленинградского объединения «Кировский завод» Б. М. Воробьев, ткачиха Ташкентского текстильного комбината Л. П. Казанцева, слесарь-инструментальщик завода «Киргизавтомаш» Н. Алымбеков.

Сельские избиратели выдвигают кандидатами в депутаты Верховных Советов союзных республик прославленных мастеров сельского хозяйства, опытных организаторов. Среди тех, кого назвали сельские избиратели,— председатель колхоза «Здобуток Жовтня», Черкасской области, Т. А. Гаврилова, доярка эстонского совхоза «Вильянди» Л. А. Пейпс, старший чабан туркменского госплемзавода «Талимарджан» А. Алламурадов и многие другие передовики полей и ферм.

Высокое доверие оказывают избиратели специалистам и руководителям различных отраслей индустрии, сельского хозяйства, партийным, советским, профсоюзным и комсомольским работникам, деятелям науки и культуры.

Как всегда, Коммунистическая партия идет к выборам в нерушимом блоке с беспартийными.

«Смысл и содержание социалистической демократии,— говорил товарищ Л. И. Брежнев,— мы видим в участии все более широких масс в управлении страной, общественными делами. Вся политическая система общества, постоянно растущая инициатива трудящихся поставлены у нас на службу строительству коммунизма. Такая демократия — это для нас жизненная потребность, необходимое условие развития и укрепления социалистических общественных отношений».

Высокая честь быть представителем советского народа в органах государственной власти!

22 апреля в Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное заседание, посвященное 105-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

Горячими аплодисментами участники заседания встретили товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, А. А. Гречко, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова, В. И. Долгих, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева.

Торжественное заседание открыл член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

С докладом «По заветам великого Ленина» выступил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов.

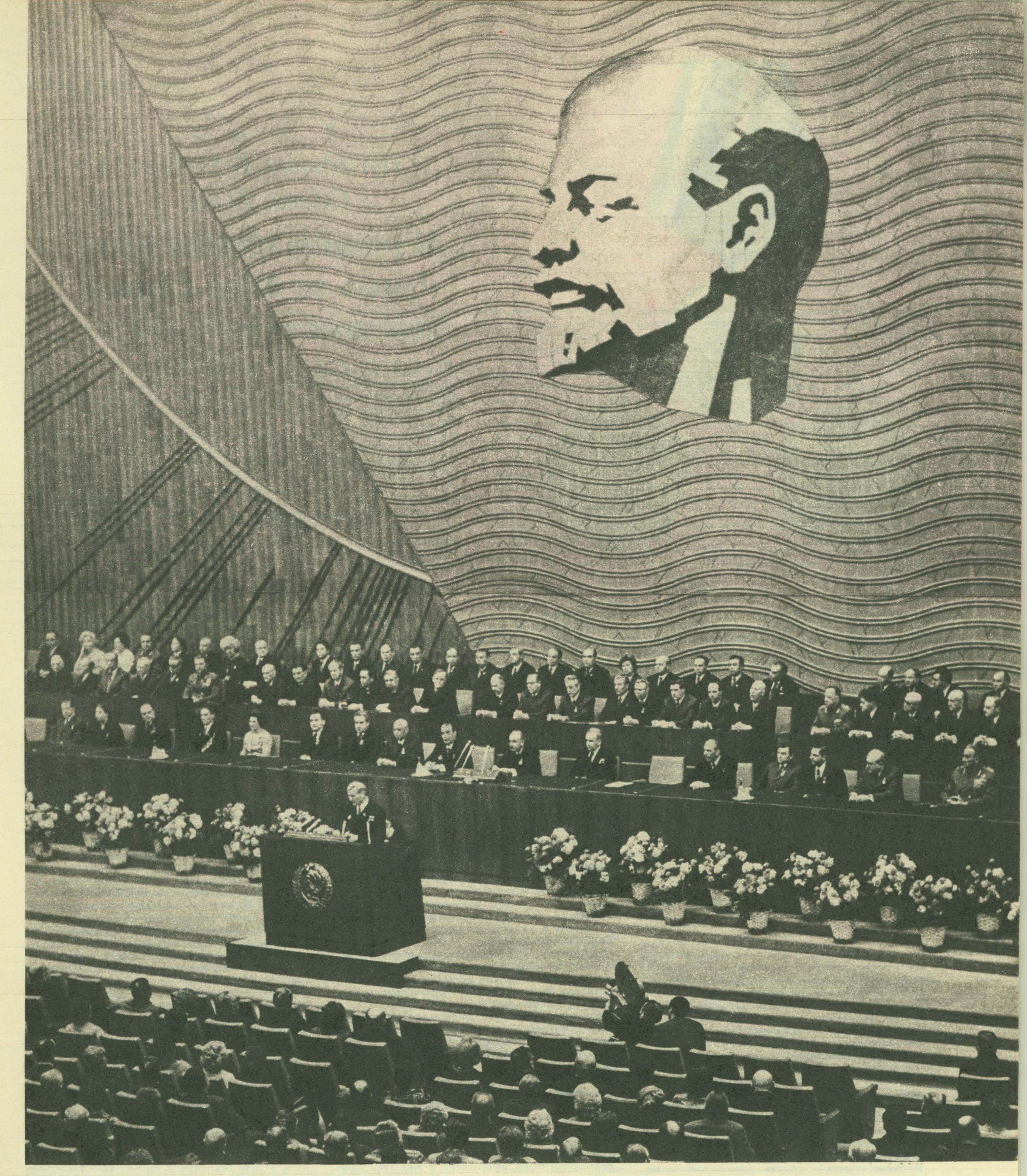
«День рождения Владимира Ильича Ленина,— сказал товарищ М. А. Суслов,— вошел в жизнь советского народа и трудящихся всего мира как один из самых больших и светлых праздников. Имя Ленина безмерно дорого всему прогрессивному человечеству».

Доклад был выслушан с большим вниманием и неоднократно прерывался аплодисментами.

Торжественное заседание, посвященное 105-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

Фото А. Гостева.

ИНСКИМ КУРСОМ

Указ
Президиума Верховного
Совета СССР

Об учреждении юбилейной медали «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»

Президиум Верховного Совета СССР **постановляет:**

1. В ознаменование 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. учредить юбилейную медаль «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.».
2. Утвердить Положение о юбилейной медали «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.».
3. Утвердить описание юбилейной медали «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль. 25 апреля 1975 г.

НА БЛАГО СОЦИАЛИЗМА И МИРА

К 15-ЛЕТИЮ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И РЕСПУБЛИКОЙ КУБА

О. ТИХОНОВ

Куба, революционная Куба, остров Свободы... Есть ли советский человек, сердце которого осталось бы равнодушным при упоминании этой страны? Куба вошла в духовную жизнь советского народа в шестидесятые годы — окруженная ореолом героики борьбы за свободу, как в тридцатые годы — республиканская Испания. Кто не знает, что значит по-русски «Но пасаран!» — боевой клич защитников Мадрида? А лозунг, рожденный кубинской революцией,— «Патриа о муэрте!»? Разве нам нужен переводчик, чтобы понять его?

Между республиканской Испанией и революционной Кубой пролегла дистанция в два десятилетия. Эта дистанция прошла через грозные сороковые годы, когда советские люди сказали решающее слово в борьбе свободолюбивых народов против фашистской чумы.

Между кубинской революцией и Победой советского народа в Великой Отечественной войне лежит глубокая причинная связь. Когда в ночь с 8 на 9 мая 1945 года в двухэтажном здании бывшей столовой военно-инженерного училища в Карлсхорсте, в восточной части Берлина, состоялось подписание Акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии, в международную обстановку был внесен новый важный элемент, способствовавший ускорению мирового освободительного процесса. Его влияние сказалось в конечном счете и на Кубе. Эту связь отмечал Фидель Кастро, говоривший, что кубинская революция смогла выстоять благодаря Советскому Союзу, благодаря самоотверженному труду его народа, его героической Победе над фашизмом, его огромной военной и экономической мощи, которая сделала возможным возникновение социалистического содружества, изменение соотношения сил в мире и громадный подъем освободительного движения.

И поэтому символично то, что в дни празднования 30-летия этой великой Победы отмечается также и другая дата — 15-летие восстановления дипломатических отношений между СССР и Республикой Куба.

Советско-кубинские дипломатические отношения, впервые установленные в 1942 году, были разорваны в апреле 1952 года в результате провокации, которую учинило против советского посольства в Гаване реакционное правительство, незадолго до этого захватившее власть в стране путем военного переворота. Победа народной революции в январе 1959 года положила конец тираническому режиму. Советский Союз был в числе первых государств, признавших Революционное правительство Кубы. Официально восстановление отношений было оформлено 8 мая 1960 года.

Пятнадцать лет с точки зрения истории — срок совсем небольшой. Однако каким насыщенным событиями был путь, пройденный народами наших стран за это время! И мы с гордостью можем сказать, что Советский Союз и революционная Куба с честью выдержали все испытания, выпавшие на их долю, сохранили и пронесли в чистоте великое знамя пролетарского интернационализма. «Народы Советского Союза и Кубы — соратники по общей борьбе, их дружба незыблема» — в этой лаконичной фразе Отчетного доклада ЦК КПСС XXIV съезду партии четко выражена суть, сердцевина советско-кубинских отношений.

Советско-кубинская дружба является поистине всенародным делом в наших странах. Это с особой силой проявилось в дни визита Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на Кубу, ставшего подлинным праздником двух братских народов. Оглядываясь сегодня назад, мы видим, какой мощный импульс он дал дальнейшему развитию всестороннего советско-кубинского сотрудничества, а также укреплению международных позиций острова Свободы.

Опыт отношений между СССР и революционной Кубой дает блестящий пример подлинного интернационализма, показывает другим народам, борющимся за свою свободу и независимость, что тесное сотрудничество с Советским Союзом и другими социалистическими странами является залогом успеха в этой борьбе.

Советские люди, по-братски помогающие кубинскому народу в строительстве социализма, от души радуются его успехам. Растет и крепнет экономика Кубы. Развивается и совершенствуется народное государство — на всенародное обсуждение передан проект новой конституции республики, юридически закрепляющей ее огромные революционные завоевания. Боевой авангард кубинского народа — коммунистическая партия готовится к своему первому съезду. Советский народ будет и впредь делать все от него зависящее, чтобы крепить дальше советско-кубинскую дружбу на благо дела социализма и мира.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

СЛОВО О ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ

Полагаю, никому не покажется странным, что, думая сейчас о 30-летии нашей Победы над фашистской Германией, я загляну сперва не в солнечный и радостный 1945-й, а в полынно-горький, принесший нам неисчислимые страдания и утраты год 1941-й.

Сколько великих потрясений, человеческих драм вместил в себя этот год! Сколько людских судеб было направлено сразу же не по тому руслу, по которому им суждено было идти в условиях мира, сколько жизней оборвалось либо в самом их начале, либо — что чаще всего — в полном расцвете, а сколько из нас разбросано было по белу свету!..

И все-таки в нем, трагически суровом 1941-м, занималась заря нашей Победы. И не только потому, что это было первое и самое тяжкое испытание, из коего мы в конце концов вышли не побежденными, а победителями. Не только потому, что именно тогда совершился историко-психологический перелом, который по своему значению стоил более, чем десятки выигранных сражений.

Речь идет о кульминационном моменте, до которого потрясенный, находившийся как бы в шоковом состоянии мир продолжал еще верить в несокрушимость гитлеровской военной машины, а уже после декабря сорок первого года, после нашего боевого триумфа под стенами Москвы, вера эта была решительным образом поколеблена на радость всему исстрадавшемуся человечеству и на погибель фашистского рейха.

Сам по себе этот факт имел последствием то, что гитлеровцы смогли доползти до московских предместий, а мы, исполненные исторической справедливости, вошли в Берлин, водрузили над рейхстагом свой алый победный стяг и вот уже тридцать лет — первые такое длительное время в нелегкой истории нашей Родины — живем без войны. Но и это еще не все. В тот день, когда советские пограничники приняли на себя первый удар гитлеровских полчищ, многие незнакомые им люди на Западе впервые вздохнули с надеждой — солнце грядущей Победы как бы на миг озарило их лица. Люди эти поняли, что вот теперь-то Гитлер разобьет наконец свою безумную голову, ибо Советский Союз есть Советский Союз и с ним шутки плохи. Удивительное дело: в тот горький и тяжкий час, когда истекающий кровью советский пограничник готовил к броску последнюю свою гранату, чтобы убить хотя бы еще одного захватчика, а в следующую минуту встретить свой смертный час, он, этот пограничник, уже закладывал первый камень в нерукотворный Памятник Бессмертия, ибо капли его крови вобрало в себя багряное полотнище, взвившееся над поверженной фашистской столицей.

В этом смысле победителями оказались не только живые, но и мертвые. Не только те, что бросили штандарты гитлеровских полков к подножию ленинского Мавзолея, но и те, что пали под Москвой в тот далекий ноябрь сорок первого года, отправившись с легендарного парада прямо на боевые рубежи. И борьбу за мир, которую широким фронтом ведет сейчас наша славная Коммунистическая партия, ведут с нами вместе и они, живые и мертвые герои минувшей войны.

В трагически суровом 1941-м нам виделся победный 1945-й.

Иначе мы бы не победили.

Тяжкие, непередаваемо трудные испытания выпали на долю нашей страны и ее Вооруженных Сил. Враг был беспощаден и жесток. Он не считал даже нужным для себя скрывать своих человеконенавистнических целей. Около двухсот отлично отмобилизованных дивизий бросил Гитлер на Восточный фронт. На первых порах Советскую Армию постигли серьезные неудачи. Она вынуждена была отступать, оставляя врагу богатейшие районы страны. Что и говорить, горькое было время! Но и в ту лихую годину воины несли в своем сердце неколебимую уверенность: «Наше дело — правое, мы победим!» Пусть не малой кровью, как думалось когда-то, но победим обязательно!..

Ради этой Победы капитан Николай Гастелло кинул свой пылающий самолет в неприятельскую колонну. «Мы победим!» — шептали воспаленные, окровавленные губы юный Зои. «Мы победим!» — и рядовой Александр Матросов бросился на амбразуру вражеского дота. А в воздух поднимались десятки, сотни и тысячи Покрышкиных, Кожедубов и Маресьевых; по глубоким тылам противника вел свои неуловимые партизанские отряды Ковпак; в районе скованной холодом Орши стыли неподвижно и летели под откос немецкие эшелоны — дело рук скромнейшего инженера Константина Заслонова; в нашем же глубоком тылу, на Урале и в Сибири, денно и нощно стучали могучие, державные молоты, выковывая нашу боевую мощь.

Армия тем временем вела жесточайшие бои, которые не всегда складывались для нее успешно. Победа под Москвой, и вдруг — поражение на юге, горькое отступление до самой Волги... И наконец, Сталинград — величайшая битва и величайший наш триумф! С того дня Советская Армия начала свое трудное, но неудержимое движение к границе, к тем рубежам, с которых началось гитлеровское нашествие. Сталинград — Курская дуга — Кавказ — Днепр — Днестр — Прут — Неман. И вот уже полки Советской Армии пересекают кордоны. Там, за рубежом, впервые выпрямившись во весь рост, обратили прояснившиеся взоры на Восток измученные фашистской неволей люди. Да, свет шел к ним с Востока. Его нес исстрадавшимся народам, нес, сам нередко истекая кровью, ты, скромный труженик — советский солдат! Трудная, но счастливая выпала тебе доля, солдат-освободитель! Ты делал свое дело, и едва ли у тебя оставалось времени на то, чтобы подумать в ту страдную пору о гигантских последствиях твоего ратного труда. Миллионы людей идут сейчас дорогой, на которую первой стала твоя Родина. И многим, очень многим из этих людей помог выйти на такую дорогу ты, советский солдат. Можно ли этим не гордиться!

Немало глубоких и, казалось, неисцелимых ран получило наше Отечество в минувшей войне. Однако оно залечило эти раны и сделало невиданный рывок вперед, по пути к своей цели. Но ты, солдат, не должен забывать о тех ранах, ты обязан всегда помнить о них и знать, что за беспечность расплачиваются кровью, что народ, партия, давшие тебе оружие, требуют от тебя высокой революционной бдительности и не менее высокой боевой выучки.

Год 1945-й. Его мы называем победным. Однако ж нельзя забывать, что он органически включает в себя и сорок первый, и сорок второй, и сорок третий, и сорок четвертый, и все предшествующие годы, начиная с октября 1917-го, то есть все годы Советской власти, когда партия наша готовила народ к величайшему и неотвратимому испытанию.

Как литератор, я не могу не думать о том, что без такого вот взгляда на историю войны трудно рассчитывать на творческие победы, когда замышляешь создать произведение об огненных годах Великой Отечественной. Замечу, кстати, что именно такой взгляд на суровые события сороковых годов предопределил появление шедевров, подобных «Судьбе человека» М. Шолохова, «Василию Теркину» А. Твардовского и «Молодой гвардии» А. Фадеева. Этим же обстоятельством, думается мне, следует объяснить большой читательский успех последних произведений К. Симонова, А. Чаковского, Ю. Бондарева, И. Стаднюка, Г. Коновалова, В. Богомолова, А. Иванова, П. Проскурина, А. Ананьева, В. Кожевникова.

Годы идут. Сорок пятый все дальше и дальше отодвигается в прошлое. А жгучий интерес к теме войны не остывает. Мы еще не все о ней рассказали. Мы еще не рассказали о бессмертном подвиге советской женщины — великой труженицы и воительницы, хоть и обещали написать о ней «сочиненья, полные любви и удивленья».

О многом и многое еще не поведано нами.

Подвиг народный. Он всегда, отныне и во веки веков, будет вдохновлять художников.

Павшие герои бессмертны. Над ними не властна смерть. Это о них думал поэт, когда писал:

Весь под ногами шар земной.
Живу. Дышу. Пою.
Но в памяти всегда со мной
Погибшие в бою.
Пусть всех имен не назову,
Нет кровнее родни.
Не потому ли я живу,
Что умерли они?..
Чем им обязан — знаю я.
И пусть не только стих,
Достойна будет жизнь моя
Солдатской смерти их.

Победа над фашизмом, одержанная советским народом тридцать лет назад,— величайшее наше и наших друзей во всем мире духовное наследие. И мы, и наши дети, и дети наших детей обязаны перед священной памятью павших беречь это наследие, приобретенное самой дорогой и необратимой ценой — ценой жизни миллионов.

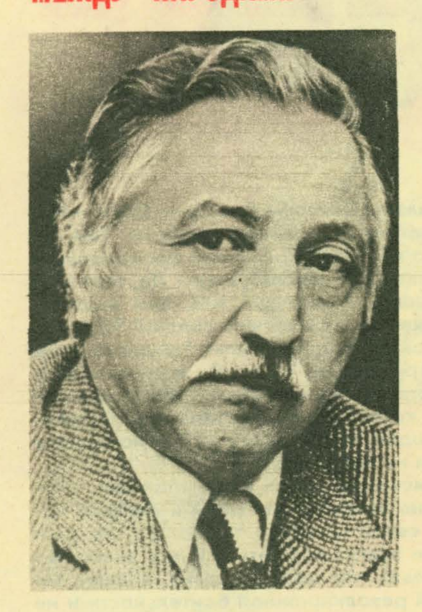
Что касается нас, работников литературы и искусства, то мы еще долго будем черпать из этого богатейшего наследия и материал и вдохновение для создания художественных образов, достойных народного подвига.

Мы празднуем 30-летие Победы в преддверии другого важного, воистину исторического события — XXV съезда нашей партии, который наметит новые рубежи, достижение которых еще более укрепит могущество Советской Отчизны нашей и приумножит принадлежащую ей по праву всесветную славу. Сознание этого делает наше празднество особенно значимым и исполненным глубочайшего смысла.

С Днем великой Победы вас, родные мои соотечественники! С грядущими новыми трудовыми победами, являющимися естественным продолжением побед ратных!

Со светлым праздником вас, дорогие сограждане!

ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ «ЗА УКРЕПЛЕНИЕ МИРА МЕЖДУ НАРОДАМИ»

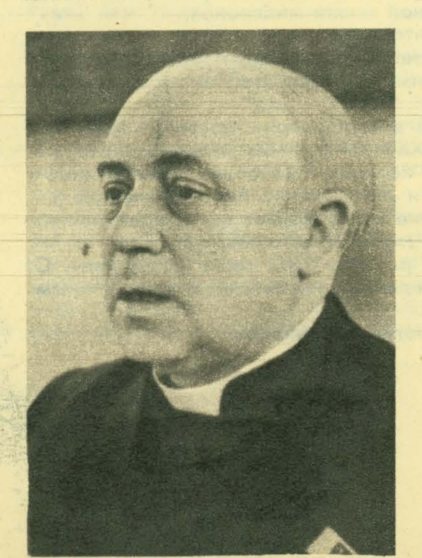

Луис КОРВАЛАН — сенатор, Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили

Жанна Мартен СИССЕ — общественная и политическая деятельница Гвинейской Республики

Раймон Э. М. Э. ГООР — каноник, общественный деятель Бельгии

ПЛАЦДАРМЫ СУЛТАНОВА

Рамиль ХАКИМОВ

Пасмурным январским вечером 1945 года взвод Хатмуллы Султанова занимал позицию под Радомом, в открытом поле, километрах в десяти за Вислой. Лежали в обороне, готовясь к решительному наступлению.

Туман все сгущался, ночь надвигалась смутная. Султанов, ложась спать, только и позволил себе, что ремень поясной расслабить. Задремал. Проснулся от крика. В блиндаже — никого. Темно — хоть глаз выколи. Выбежал наружу, метнулся в правую щель траншеи и тут на кого-то наткнулся, грудь в грудь. Обрадованный, сердито заорал:

— Ты что?

А в ответ:

— Хальт!

Автомат висел у Хатмуллы на груди, пистолет лежал в кармане, кинжал, добытый у немцев,— в ножнах. Ни до чего вмиг не доберешься. А немец шарит по гимнастерке, норовит схватить Хатмуллу за горло. Не стреляет, видать, собирается взять живьем! Надо опередить фашиста. Проворный оказался фриц, скоро он, заведя левую руку Султанова за спину, уже лежал на нем.

В голове судорожно забилась мысль: надо торопиться, иначе каюк, силы неравные, немец, видимо, из опытных разведчиков. Султанов пошел на самый, наверно, большой риск в своей жизни: отнял от вражьего горла правую руку.

И тут немец совершил ошибку. Он что-то закричал своим и на мгновение расслабился.

А Султанов в эту самую секунду изловчился и выхватил кинжал... На крик прибежали товарищи Хатмуллы. Помогли ему выбраться из-под трупа. Выяснилось, что взвод подвергся нападению большой группы разведчиков...

— Пришли за «языками», а оказались в плену, конечно, те, кто уцелел,— заключил свой рассказ Хатмулла Асылгареевич.

...В эти дни ему особенно часто приходится вспоминать фронтовую жизнь. То комсомольцы пригласят на вечер, то пионеры — на утренник. И рассказывает им Хатмулла-агай о том, как совсем молодым, лет шестнадцати, отправился на Дальний Восток и там, в забоях Сучана, начал свою трудовую жизнь; как вскоре после этого, летом 1941 года, был призван в армию, два года оберегал восточную границу страны и лишь потом, наконец, попал на фронт.

За год с небольшим чего только не пришлось испытать помощнику командира взвода противотанковых ружей! И ранен был и контужен, причем в последний раз столь тяжело, что очнулся лишь на восьмые сутки, а заикался еще и после войны. Но все же из каждого боя выходил победителем.

Незадолго до упомянутого эпизода был он принят — там же, за Вислой,— кандидатом в члены партии. 10 мая сорок пятого Хатмулла Султанов стал коммунистом. В поверженном Берлине парень из Башкирии справлял великий праздник: Май, Победа, и он коммунист! С победного месяца мая у Хатмуллы Султанова начинались и многие его главные мирные дела.

После демобилизации вернулся бравый старшина в родной аул (четыре ордена на широкой груди, двухпудовкой играл на вытянутой руке, как мячиком!). И надо же: за месяц решил и свой семейный вопрос и на всю жизнь избрал профессию нефтяника.

Случилось это опять же в коронном месяце весны.

— Замуж я вышла семнадцати лет. Быстро меня Хатмулла окрутил: в мае познакомились, в мае же и женились,— весело вспоминает Васима Гайфулловна, жена и спутница Султанова на его мирных, но — ох! — каких негладких дорогах. — И тут же началась для нас кочевая жизнь буровиков.

У Хатмуллы-агая седины вроде и не видать, а у Васимы-апай она сплошь, уж и не поверишь, что волосы были, как смоль. Что касается мирных наград Султанова, то есть тут у него полноправный соавтор — жена.

— Сколотил Хатмулла сундучок, уместили мы в него все свои пожитки и следующие десять лет ничего из мебели не покупали — одни раскладушки,— добавляет Васима при сочувственном молчании скупого на слова мужа.— Раз двадцать меняли за это время место жительства. Все по чужим домам, у незнакомых хозяев. Все окрестности — Шаранский, Бакалинский, Чекмагушевский и нынешний Туймазинский районы облазили. Отставать от Хатмуллы не хотелось. В любое время дня и ночи все равно что твои десантники срывались с места. Загрузишь свой скарб на трактор, прижмешь детей поближе к себе — и айда туда, где есть надежда на новую нефть. Пятерых старших мы так и зовем меж собой — «разведчики». Только младший у нас оседлый, родился в Чекмагуше, в котором мы лет двенадцать прожили без переездов...

Для нашей республики нефть — дело № 1. И все три десятилетия ее верный рыцарь Хатмулла Султанов занимается, по существу, тем же самым, чем занимался на фронте: завоевывает новые рубежи, готовит плацдармы для тех, кто идет следом за ним. На фронте под началом Султанова был взвод, здесь — бригада. Там приходилось надрываться под тяжестью своего тяжеленного оружия, но и на буровой известно, какими тоннами приходится ворочать. Перекличка наград наглядно и многозначительно говорит о том, что героический труд Хатмуллы Султанова сравнялся с его ратными подвигами...

Рядом с медалью «За боевые заслуги» — медаль «За трудовую доблесть». Рядом с орденом Отечественной войны — «Знак Почета». За годы войны Хатмулла Султанов стал полным кавалером ордена Славы, а за доблестный труд в годы восьмой пятилетки он был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Словно завершая звездную эту параллель, соседствуют на груди бурового мастера два значка: военный — гвардейца и мирный — отличника нефтяной промышленности.

Ему пятьдесят лет. И когда Хатмулла-агай говорит о самых трудных из пятидесяти, он рассказывает и о войне и о первых годах после войны:

— Трудности тех лет нынешним нефтяникам и не снились. Сейчас что: если буровая далеко — добираешься туда автобусом, а то и вертолетом. Если распутица — к твоим услугам вездеход. А раньше... Сколько раз я плутал в буране, двадцать, а то и сорок часов кряду добирался по бездорожью до буровой! Контузий, ранений у нас, буровиков, нет, но вот поясница дает о себе знать крепко. Профессиональная болезнь. Не курорт, нет...— И как всегда, когда ему хочется придать особую значимость своим словам, он поджимает тонкие, энергичные губы.

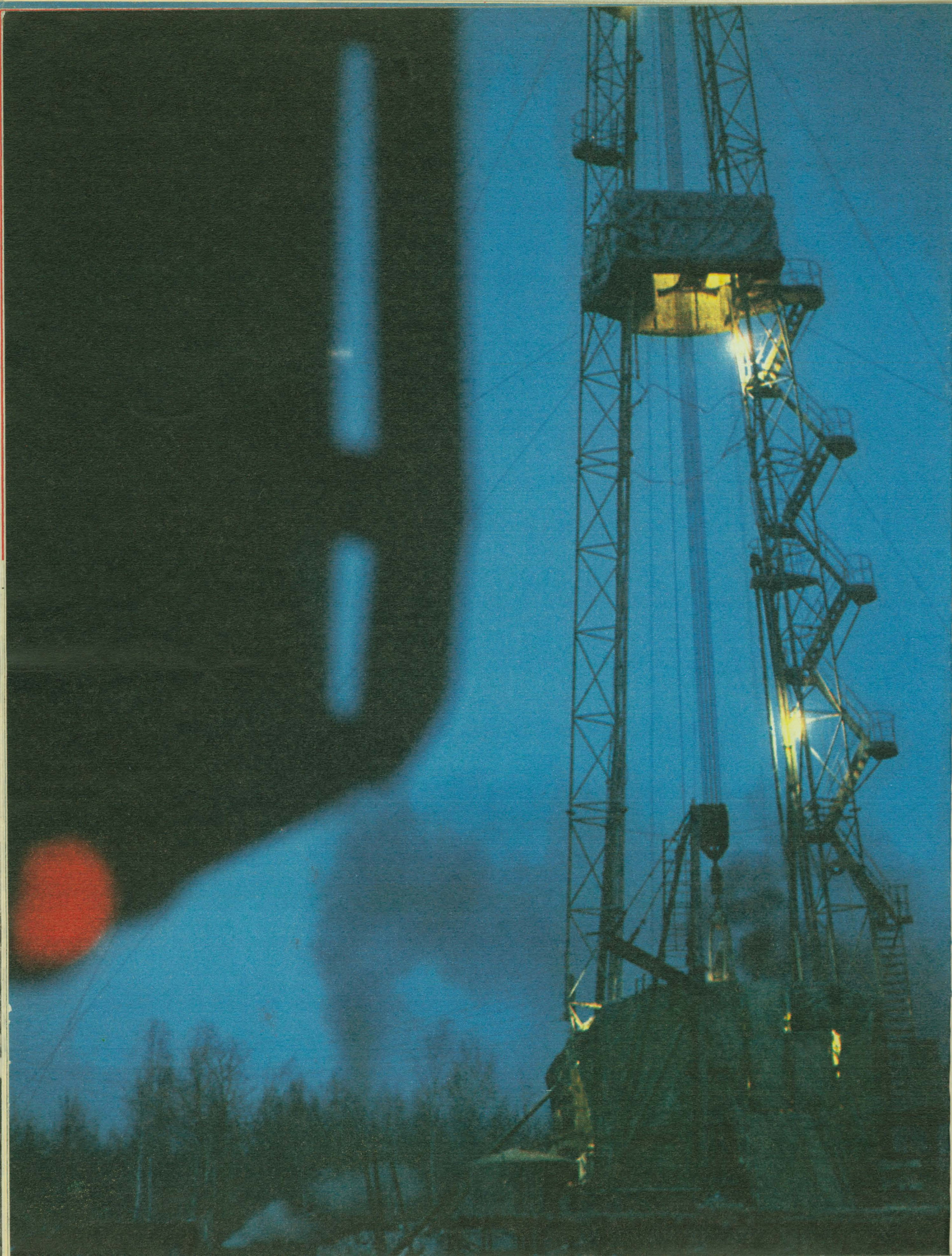
Широко шагает нефтяная промышленность Башкирии! Тридцать лет назад наши бригады давали по тысяче восемьсот метров проходки в год. В прошлом году бригада Султанова пробурила почти восемнадцать тысяч метров. В десять раз больше! Сколько за это время обнаружено залежей нефти и газа, сколько сил вложено в открытие таких новых месторождений, как Давлекановское, Михайловское, Матвеевское...

В те дни, когда Султановым, наконец, выделили квартиру для постоянного жительства, глава семьи отправился на новое кочевье — в Индию. Места, где высадились башкирские нефтяники, специалистами из ФРГ и США бы-

■

В дом Хатмуллы Султанова приходит много писем.

ли объявлены бесперспективными. Вот здесь-то за полгода Хатмулла и его товарищи открыли два нефтяных месторождения.

— Небывалой мощности! — вспоминает Хатмулла-агай.— Ураганный фонтан и на той и на другой скважине. Не зря, я полагаю, к нам тогда Джавахарлал Неру приезжал. Глава государства, старый человек, а преодолел полторы тысячи километров, чтобы почтить вниманием бригаду буровиков из Башкирии. Ну и, конечно, индийских рабочих, которых мы научили нашему делу.

Было Султанову уже за сорок, когда в 1970 году — снова в мае — начался новый период в его жизни. Вызвали Хатмуллу Асылгареевича, только что получившего звание бурового мастера, в контору и объяснили ситуацию:

— Принимай, мастер, бригаду. Лихорадит ее хуже всякой малярии. Пять мастеров сменились один за другим...

Явился новоиспеченный бригадир на место работы, а там и рабочие и сам мастер «под мухой». Для Султанова, привыкшего совсем к иной трудовой обстановке, дисциплине и порядку, этого было более чем достаточно. Стал выбирать, с кем из этих орлов можно идти в разведку. Не все выдержали такую проверку. Круговато, конечно, повел себя Султанов, но иного выхода тогда не было: надо было спасать бригаду, выводить ее из прорыва.

В бригаде забыли, когда справлялись с государственным планом. Хатмулле Асылгареевичу понадобилось шесть месяцев для того, чтобы рассчитаться с былыми грехами бригады: она не только победила самое себя, но и вышла на первое место по управлению. А быть в числе победителей в Туймазинском управлении буровых работ многого стоит. Особенно успешно оно работает в последние годы: восемь кварталов подряд завоевывает переходящее Красное Знамя Министерства нефтяной промышленности страны. Среди наград — и Красное Знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ — за победу в социалистическом соревновании в 1973 году.

Да, конец восьмой пятилетки стал отличным плацдармом для новых взлетов бригады Султанова в девятой пятилетке. Здесь развернулись таланты и ветеранов и новичков: бурильщика Анвара Кашфутдинова, помощников бурильщика Ильгиза Шаяхметова и Зуфара Исхакова, слесаря по оборудованию Айрата Зиянгирова.

Неизмеримо расширились плацдармы самого Хатмуллы Асылгареевича Султанова: вышел он к рубежам, где от него требуется не только трудовая доблесть и самоотверженная работа на буровой. Второй раз подряд он избирается членом Башкирского обкома партии. Он был делегатом XXIV съезда КПСС, а в прошлом году его избрали депутатом Верховного Совета СССР.

Выступал он перед избирателями города Октябрьского и Туймазинского, Бакалинского, Шаранского, Чекмагушевского районов. Все эти места для него поистине — дом родной. Объезжены и исхожены вдоль и поперек. Ему знаком не только внешний вид этой земли: он сотни раз прорывался и в ее глубины.

И очень хорошо, что у нашей страны тридцать лет назад был такой стойкий солдат, а сейчас есть такой добросовестный работник, как Хатмулла Султанов, коммунист и народный депутат, герой войны и герой мира.

В эти дни он вместе со всеми тружениками советской земли готовится к XXV съезду КПСС. Нефтяники Башкирии и сейчас держат курс на высокие рубежи, достойно несут они свою вахту в честь 30-летия Победы, навстречу XXV съезду партии.

■

Сто первая буровая — «султановская».

Фото Л. Шерстенникова.

СТИХИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Н. ТИХОНОВ

ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ

То не чудо сверкает над нами,
То не полюса блеск огневой,—
То бессмертное Ленина знамя
Пламенеет над старой Невой.

Ночь, как год девятнадцатый, плещет,
Дней звенит ледяная кора,
Точно вылезли древние вещи—
И враги, и блокада, и мрак.

И над битвой, смертельной и мглистой,
Как тогда, среди крови и бед,
Это знамя сверкает над чистым,
Окрыляющим светом побед!

И ползущий в снегу с автоматом
Истребитель — боец молодой —
Озарен этим светом крылатым
Над кровавою боя грядой.

Кочегар в духоте кочегарки
И рабочий в морозных цехах
Осенен этим знаменем ярким,
Как моряк на своих кораблях.

И над каменной мглой Ленинграда,
Сквозь завесы суровых забот,
Это знамя сквозь бой и блокаду
Великан-знаменосец несет.

Это знамя — победа и сила —
Ленинград от врага защитит,
Победит и над вражьей могилой —
Будет день! — на весь свет прошумит!

1941

М. ИСАКОВСКИЙ

СЛОВО О РОССИИ

Советская Россия,
Родная наша мать!
Каким высоким словом
Мне подвиг твой назвать?
Какой великой славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой —
Чтó ты перенесла?

В годину испытаний,
В боях с ордой громил,
Спасла ты, заслонила
От гибели весь мир.
Ты шла в огонь и в воду,
В стальной кромешный ад,
Ложилася под танки
Со связками гранат;
В горящем самолете
Бросалась с облаков
На пыльные дороги,
На головы врагов;
Наваливалась грудью
На вражий пулемет,
Чтобы твои солдаты
Могли идти вперед...

Тебя морили мором
И жгли тебя огнем,
Землею засыпáли
На кладбище живьем;
Тебя травили газом,
Вздымали на ножах,
Гвоздями прибивали
В немецких блиндажах...

Скажи, а сколько ж, сколько
Ты не спала ночей
В полях, в цехах, в забоях,
У доменных печей?
По твоему призыву
Работал стар и мал:
Ты сеяла, и жала,
И плавила металл;
Леса валила наземь,
Сдвигала горы с мест,—
Сурово и достойно
Несла свой тяжкий крест...

Ты все перетерпела,
Познала все сполна.
Поднять такую тяжесть
Могла лишь ты одна!
И, в бой благословляя
Своих богатырей,
Ты знала — будет праздник
На улице твоей!..

И он пришел! Победа
Твоя недалека:
За Тиссой, за Дунаем
Твои идут войска;
Твое пылает знамя
Над склонами Карпат,
На Висле под Варшавой
Твои костры горят;
Твои грохочут пушки
Над прусскою землей,
Огни твоих салютов
Всплывают над Москвой...

Скажи, какой же славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой
Тот путь, что ты прошла?
Никто в таком величье
Вовеки не вставал.
Ты — выше всякой славы,
Достойней всех похвал!
И все народы мира,
Что с нами шли в борьбе,
Поклоном благодарным
Поклонятся тебе;
Поклонятся всем сердцем
За все твои дела,
За подвиг твой бессмертный,
За все, что ты снесла;
За то, что жизнь и правду
Сумела отстоять,
Советская Россия,
Родная наша мать!

1944

БЕРЕГ

Юрий БОНДАРЕВ

РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО

— Никитин! Никитин! Что у тебя?

Он услышал резковато-звонкий голос Княжко; тот стремительным броском перескочил шоссе, подбежал к орудию, лицо обострено, покрыто какой-то злой, азартной бледностью, на лбу и щеках разводы гари, зеленые глаза быстро и испытующе промелькнули по фигурам солдат, толкнулись Никитину в зрачки пронзительным светом:

— Ну что, Никитин, плавать собрался?— крикнул Княжко с веселой и бедовой горячностью, возбужденный боем.— Слышишь, соседи вправо пошли, бой ведут черт те где! И пехота где-то запуталась! А мы их здесь настигли! Прекрасно! Давай с орудием через лес и в обход озера. Не медлить, давай! За моими орудиями! Пока огонь прекратить! Стрелять по необходимости и продвигаться!

— Ясно,— ответил и кивнул Никитин, чувствуя в жарком биении сжавшееся сердце от непоколебимой решительности Княжко, от его ясного, звонкого голоса, вдруг уничтожающего сомнения.

— Давай, Никитин! Давайте, ребята! Другого выхода нет!— закричал Княжко и тонким силуэтом в дыму перебежал шоссе, скрылся за деревьями, куда по траве пенистой гривкой катилась, расползалась безудержно вода выпущенного озера.

Меженин, пока говорил Княжко, глядел на него стоячим взглядом угрюмого противления, словно возразить хотел и ему и Никитину, но не возразил, а когда Княжко исчез за соснами, он ощерился по-дикому и сиплым голосом команды как бы вложил всю ненависть к кому-то:

— На колеса! Толкай, толкай! Навались, дышло в глотку, в печенку вас всех!

На него озирались неузнавающими глазами, хватаясь за колеса, за щит, за станины; и маленький, рыженький Таткин пробормотал что-то, морща раздвоенную губу под усами, испуганно хихикнул в ответ на этот звериный крик.

Орудия тащили по широкому, образовавшемуся болотцу между стволами сосен, колеса увязали в земляной жиже, проваливались в лесные выемы, затянутые водой, при частых вспышках за озером всем расчетом, всей тяжестью своих тел зачем-то вдавливали станины сошниками в размягшую почву; взвизги осколков раскаленной метелью проносились над щитом, вместе с удушьем сгоревших пороховых газов летела липкая жидкость в лица, стекала струями, нависала на плечах ошметками; в секунды разрывов сначала пригибались, садились кучей вокруг станин, но вскоре, вконец обессилев от стальной неповоротливости орудий, переноски ящиков со снарядами, оглохнув от слепой стрельбы самоходок, падали в хвойное месиво грудью, вжимались плашмя, сваленные ударами близких разрывов, взметающих комки грязи, окатывающих спины фонтанами воды; потом, подхлестнутые резким приказом невидимого Княжко: «Орудия, вперед!»— в изнеможении вставали, поворачивали к Никитину не лица, а черные, налепленные маски, изуродованные единым безнадежным вопросом: когда же конец, лейтенант?

— Еще, еще, друзья!— говорил Никитин с механической однообразностью, как в кошмарном забытьи внушая себе и им необходимость того, что они делали, и, качаясь, упирался плечом в неподатливое тело орудия, стороной слыша сипящие ругательства Меженина, яростно расхристанного, какого-то страшного во всем облике после приступа подавленности:

— Навались, навались, душу вашу мотать! Подыхать, так с музыкой! Нав-вались, в гробовую вас доску!..

А когда, продвинув орудия на несколько сот метров по лесному берегу озера, вышли на широкую сухую просеку из мрачной сгущенности дыма, из разжиженной водой низины, Никитин почувствовал, что не в состоянии уже стоять на ногах, и, ощущая дрожание ног, железистую горечь во рту, привалился боком к стволу сосны. Он отупелыми пальцами рвал ворот гимнастерки, он хотел глотнуть воздуха, задыхаясь, жаждая пить его пересохшим горлом; приступами его подташнивало, пот затуманивал зрение, оглушительно и молотообразно била кровь в висках. Он расплывчато видел справа приведенные к бою орудия Княжко — и не поддавалось воле понять, как и почему он здесь...

Все со стоном, мычанием повалились на землю около станин, уткнувшись лбами в прошлогодний пласт хвои. Меженин один, держась за щит, разевая рот надорванным дыханием, воспаленно, следяще смотрел на Княжко, который быстрыми шагами шел от своих орудий, на ходу вытирая носовым платком дочерна измазанные копотью мокрые руки. Княжко шел молча, сапожки его ступали упруго по траве, но легкое покачивание торса при еле заметной хромоте явно выдавало его безмерную усталость, наверное, скрываемую им как человеческую слабость, и досадливо-хмурый взгляд его нетерпеливо искал что-то, ощупывал лес на противоположном берегу озера.

— Тебе ясно, Никитин?— подойдя, заговорил он звенящим голосом.— Ушли! Ушли к черту! Взорвали мост и, пока мы здесь...— Он был раздражен, бледен, гимнастерка намокла на груди, влажные светлые волосы прилипли ко лбу, видимые из-под забрызганной темными пятнами пилотки, и не было сейчас в его внешности той безупречной чистоты, подогнанной опрятности, что всегда поражали Никитина.— Успели оторваться от нас! Ушли по шоссе! Ты понял? — продолжал Княжко, вглядываясь в противоположный берег, и стиснул в кулаке грязный носовой платок.— Знаешь, что получилось? А получилось вот что: не они от нас, а мы уходили от них. Идиотство, идиотство! Упустить три дрянные самоходки! Чтоб по тылам нашим шастали! Никогда не прощу себе!..

— Оставь, Андрей.— Никитин слабо передохнул, добавил с трудом:— Оставь... Послушай, Андрей, наверно, так надо. Кажется, это последний бой. Может быть, нам повезло.

— Что, последний бой? Последний бой должен быть боем, а не...— И Княжко через зубы выругался, чего он никогда не допускал прежде.

«Да, я не хочу этого боя,— подумал Никитин,— а он чувствует другое... Что он чувствует? Злость? Неудовлетворение?»

Все было необычно спокойным впереди, и слева, в низине, где они катили орудия, не рвались снаряды и не вставали разрывы вокруг разрушенного моста. По противоположному берегу озера текла розоватая наволочь тихого пожара, освещенного солнцем, дым, спрессовываясь под соснами, сваливался к воде — догорала там, никак не могла догореть вслепую подожженная самоходка, но рева моторов за деревьями задымленного леса, металлического лязга гусениц не было слышно... И не стало слышно спаренных издали хлопков противотанковых пушек, только слитое, будто пчелиное гудение роя доходило из глубины чащи, и где-то правее озера тоненькими строчками несмолкаемо резали, сплетались и расплетались автоматные очереди, игрушечно неопасные после недавнего орудийного грома, сотрясавшего лес.

— Пехота,— сказал Никитин утомленно.— Слышишь, Андрей?

— Это я слышу, что пехота,— отрезал Княжко, все комкая носовой платок в кулаке.— Три неповоротливые самоходки среди леса против четырех орудий — и упустили! Нет, эти самоходки на нашей с тобой совести, Никитин! Пошастают они теперь по тылам сдуру, не одного нашего уложат! Вот для тех и будет последний!..— Он повернулся к Никитину с выражением холодного упрямства, которое появлялось на его лице, когда был недоволен собой, и вдруг спросил: — Что у тебя со щекой? Когда задело?

— А, мелочь! Рикошетом. Осколочек. Ерундовый,— ответил Никитин, и на пересохших губах его выдавилась отвергающая никчемность объяснений улыбка. Ему даже в голову не пришло показать Княжко спрятанный на память в планшетку крохотный осколочек, не убивший его, а лишь напомнивший о том, о чем никогда не говорил сам Княжко, считая разговоры о случайности дешевым расслаблением слабонервных.

— Иди умойся в озере,— строго сказал Княжко, не высказав ничего по поводу царапины на щеке Никитина.— Вид у тебя, надо сказать...

Никитин чувствовал, каких усилий стоило бы ему заставить себя сделать на неподчиняющихся ногах шагов двадцать к озеру, уже наполовину очищенному от густоты дыма, двухглубинному в голубизне отраженного неба, спуститься к солнечной, невообразимо покойной воде, наклониться, зачерпнуть ее руками, хотел сказать: «Сойдет»,— но тут увидел заостренный вниманием взгляд Княжко, обращенный в конец просеки, где наперебой дробили яркий, теплый день дальние автоматные очереди, и тоже непроизвольно обернулся туда.

— Так,— сказал Княжко.— Соседи появились.

Там, в конце длинной просеки, золотисто отсвечивающей стволами сосен в мягкой прозе-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—18.

лени лесного коридора, возникла скученная группа людей, вынырнула из леса, оттуда долетел голос команды, и эта группа людей устремилась рысцой по направлению к озеру левой стороной просеки; впереди скачками бежал квадратный, в офицерской фуражке человек, в развевающейся плащ-палатке, с автоматом поперек груди; он, не оглядываясь, выкрикивал накаленно: «Не отставать, братцы, не отставать!» — и широко загребал по траве яловыми сапогами, весь верткий, шустрый, весь нацеленный одержимо при своем куцеватом, незначительном росте. Приближаясь к озеру, он первый заметил орудия на просеке, властно и упредительно вскинул руку с зычным приказом: «Стой! Ждать здесь! Отдохнуть!» — и, как шар, пущенный ударом, кинулся к орудиям, развевая крыльями плащ-палатку, крича на бегу:

— Артиллеристы, дьявол ваша бабушка! Загораете, пукальщики? Спины на солнце греете? Сачкуете?

Он, запыхавшись, подбежал к офицерам, одновременно обрадованный и злой, молодое взмокшее лицо было отчаянно какой-то неразряженной отчаянностью недавнего боя, его видавшая виды фуражка с полурасколотым, покарябанным козырьком съехала на затылок, его угольно-черные быстрые глаза, обведенные ожженной краснотой век, всполошенно зыркали по орудиям, по Никитину, по Княжко, как будто не находили то, что должны были найти здесь.

— Вы буссольные сачки, тыловые артиллеристы, боги войны! По ком же стреляете? Окопались на солнышке — и дрыхнете! Попочки в целости сохраняете?— закричал он привыкшим к подхлестам пехотинским голосом, взвинченным негодующим презрением.— Здорово живете, тыловики рязанские! Попукали из пушек — и загорай! Бой для вас кончился? Сидите, гвоздь вам в карман!

— Ну, вы!..— неожиданно вскипел Никитин.— Чего орете, как лошадь, черт вас возьми! Откуда свалились?

Однако Княжко, дрогнув лишь бровью, не изменив холодно-упрямого выражения, выпрямился упруго, поднес ладонь к виску, спросил спокойным тоном, с сухой официальностью, за которой стоял сжатый гнев:

— С кем имею честь, разрешите спросить? Исполняющий обязанности командира батареи лейтенант Княжко. Представляюсь, чтобы вы знали, с кем имеете дело. Прекратите кричать и остыньте. Держите себя в руках! — Княжко поморщился.— Прошу объяснить, что за крик, в чем дело?

— Крикун не крикун! Бой идет, людей кладу, а вы, боги войны, на солнышке валяетесь!

Пехотинец заговорил убавленным тоном, несколько осаженный вмешательством Княжко, беспокойно зыркая то на своих людей, ждущих его в тени сосен, то на орудия, где, потревоженные зычным криком, шевелили головами расчеты,— и завиднелись там черные безобразные пятна вместо лиц. Пехотинец вдруг передернулся движением спешки, его плоский и вместе курносый нос расширенно прорезался ноздрями; и, выпростав руку из-под плащ-палатки, он в раздражении вздел ее к покорябанному козырьку.

— Командир роты старший лейтенант Перлин. Так, чтоб тоже знали, кто вас обложил. Ладно, баш на баш! — И, сверкнув зубами, так бросил вниз кулак от виска, точно шапкой об землю ударил.— Ладно! Поскалились друг на друга — и конец! Не чужие мы друг другу, ребята! Помог бы мне, лейтенант, ну? Огоньком бы меня поддержал! Ну? Никак я их, гадов ползучих, б... фрицевских, из лесничества не выбью! — заговорил он уже просительно и страстно.— Засели в доме, а там стены — во! Лупят из автоматов — и никак в лоб не атакнешь! И бронетранспортер их там еще поддерживает! Хоть землю зубами рви! Я вот сам со взводом в обход пошел, с тыла зайти, а это время, лейтенант, и тоже вилами писано! Дали бы по ним парочку снарядов, и выколупнул бы я их враз, как тараканов! А? Ну? Братцы, артиллеристы, подавить бы бронетранспортер парочкой снарядов — и крышка! Ну? Прошу, братцы, душой прошу! Не дайте роту положить, пехота — тоже люди! Крышка войне ведь, чуется, братцы, зачем людей ложить, жить-то всем охота! Огоньком бы нам помочь! Ну? Огоньком бы их, курв, выкурить!..

Никитин видел искательно требующее, униженное, даже неловко-стыдливое лицо низкорослого старшего лейтенанта, командира стрелковой роты, еще минуту назад грубого, властного, видел встревоженно поднятые головы расчетов и среди других взглядов угрюмый и ненавидящий взгляд Меженина, направленный на пехотинца, этого раздавленного сейчас жалкой просьбой стрелкового офицера, вероятно, прошедшего огонь и воду. Но, вмиг опаленный злостью, подумал, что пехотинцу теперь не важно совсем было, как, зачем они, артиллеристы, оказались здесь, почему и в силу каких обстоятельств была взорвана дамба на озере и горела на том берегу самоходка, а важно было сохранить в последнем бою, в последней атаке людей своей роты возле какого-то лесничества. И он неприязненно спросил, не скрывая издевки:

— Зачем на вас плащ-палатка? Может, мешает атаковать? Или дождя ждете?

— Мешает? Хрена с два! Чтоб пули путались!— вскричал отшлифованным голосом старший лейтенант и, как-то нагловато веселея, потряс полами плащ-палатки, пробитой черневшими дырами.— Видел сколько? После каждой атаки отметина! С Днепра ношу! Заколдованный панцирь! Не за себя прошу, братцы! Войдите в положение! Не имею я права своих хлопцев после Берлина положить! Нахоронился я их сотнями, куда еще больше! Жить-то кто-то должен. Или уж не люди мы!..

— Прекратите! Покажите на карте лесничество,— не без брезгливости перебил Княжко и вынул из планшетки новенькую, выданную еще перед Берлином карту.— Где оно?

— Эх, лейтенант! Да без карты — рядом! До конца просеки, потом метров триста по проселку. На северо-восток от озера, рядом!— Старший лейтенант тыкнул заскорузлым пальцем с въевшейся под ногтями земляной грязью в карту.— Ни к чему тебе, лейтенант, карту читать. Словам моим не веришь? Не штабист ведь ты? К чему карта?

— А затем, что хочу знать, выйду ли я от лесничества к шоссе,— непререкаемо отрезал Княжко, отодвигая палец Перлина на карте.— Я должен выполнять, чтоб вы знали, свою задачу, а не стрелять по лесничеству, где поджала хвост наша уважаемая пехота. Так,— сказал он, складывая карту.— Проселок через лес соединен с шоссе. Километрах в двух. Прекрасно... Ты как, Никитин? Возражений нет?

«Неужели он решил? —подумал Никитин, содрогаясь от неумолимого и педантичного упорства Княжко. —Он еще надеется встретить на шоссе самоходки? Нет, мы делаем безумство какое-то!»

— Ты командир батареи,— ответил Никитин глухо, и этот ответ был косвенным согласием его.

— С чужим документом в рай?— прохрипел Меженин около орудия.— Такое дармоедство, пехота, известно, как по-русски называется? Такое слово известно?..

— Тогда прекрасно,— непроницаемо проговорил Княжко, краем глаза глянув на Меженина, и потом, застегнув сумку, что-то свое, нахмурился на Перлина.— Прекрасно. Посмотрим ваше лесничество. Давайте своих людей, только быстро! Поможете расчетам катить орудия на руках! Командуйте!

— Молодец! Дьявол! Не забуду! Люблю такое! Уважаю! — закричал старший лейтенант и в счастливом порыве сорвал с шеи автомат, дал по воздуху оглушительную очередь.— Ко мне, пехота, ядрена ваша бабушка! Помощь прибыла! Берись за орудия руками и зубами! Быс-стра-а!

И с неостывающей неприязнью к старшему лейтенанту, к его шумной, крикливой радости, к пехотинцам, которые не состоятельны стали подняться в атаку, рискнуть, взять лесничество, на что пошли бы еще неделю назад, и поэтому сейчас охотливой трусцой бежали сюда по просеке за нежданной артиллерийской помощью, Никитин ощущал тягостное сопротивление своему согласию, этому решению Княжко, хотя в то же время знал, что другое решение быть принято им, вероятно, не могло.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Еще метрах в двухстах от лесничества, когда с криками, суетливой толкотней пехотинцев, обрадованно возбужденных артиллерийской подмогой, катили орудия полузаросшим лесным проселком, Никитин по звукам усиленной стрельбы за деревьями — по басовитому гудению крупнокалиберного пулемета, пронзительному лаю немецких автоматов, ответному треску наших очередей, пению излетных пуль в чаще, по рикошетному их щелканью о поцарапанные стволы,— по всем этим звукам он угадывал и чувствовал необратимую реальность близкого боя, куда придвигались они, и все злее, все неотступнее нарастала недоброжелательность в душе к этому пехотному старшему лейтенанту, плосконосому, кривоногому, суеверно не снимающему свою потрепанную, пробитую пулями плащ-палатку. Ему, старшему лейтенанту, пройдохе и нагловатому крикуну, с непонятной фамилией Перлин, по первой видимости воображалось, что батарея хитроумно и вовремя вышла из боя, отсиживалась в стороне, благоразумно отдыхала, отлеживалась на солнцепеке тогда, как его пехота, погибая, исполняла свой смертельный долг без поддержки огнем, без артиллерийской помощи.

«Неприятный парень,— обозленно думал Никитин.— И какой отвратительный у него широкий, как будто перебитый нос».

Они быстро шли впереди орудий, Перлин, Княжко и Никитин, моталась полами, топорщилась старая, вылинявшая до грязной серизны эта плащ-палатка старшего лейтенанта, и раздражающе звучал его пехотный, хорошо поставленный командами голос, прерываемый азартным смехом:

— Сейчас мы им раздолб устроим, разъязви их в печенку! Ежели четырьмя орудиями жахнуть, как клопов из щелей выкурим! И атакнем! А я бегу в обход и думаю: ну, засели мы до второго пришествия! Во всех местах почешешься, глядь — вы! Ну, думаю, ежели бога нет, то бог войны есть! Ха-ха! («Зачем он так много говорит? Оправдывается?»— подумал Никитин.) Попробую, мол, этому богу помолиться... Сейчас мои два взвода дом блокируют! Ахтунг, братцы! Уже полегоньку. Отсюда дом — плюнуть ближе...

— Стой!— ни разу не вступив в разговор с Перлиным, скомандовал Княжко расчетам орудий.— Ждать здесь. Пошли! Покажите, что у вас,— приказал он Перлину.— Где позиции роты? Идите вперед.

Здесь, по открытой дороге, несколько метров еще шли в рост, но едва свернули вслед за Перлиным влево, в душную тень сосен, острые взвизги достававаших сюда очередей, разбросанная дробь пуль по стволам, срубленные веточки хвои, падающие сверху, заставили инстинктивно пригнуться, посмотреть туда, куда их вел Перлин, продираясь своей «заколдованной» плащ-палаткой меж молоденьких елочек к сплетенному хаосу стрельбы за деревьями.

И тут, лишь прошли шагов сто, как натолкнулись на тело убитого немца, зеленоватым бугорком придавленного смертью к узловатым корневищам огромной сосны. В новом зеленом мундире, он лежал очень неловко, боком, в скрюченной позе будто навсегда застылого в агонии бега, одна нога подтянута к животу, другая, в неизношенном запыленном сапоге, вытянута, юное, уже подернутое трупной желтизной лицо мальчика притиснуто правым виском к сведенным в ковшик окровавленным пальцам, изуродовано окаменелой гримасой ужаса, рот стыло натянут в предсмертном, зовущем на помощь крике, но отросшие и подевичьи нежные льняные волосы еще жили, светились в наклонных сквозь ветви стрелочках солнца, мерещилось, обманывая неисчезшим блеском собственную гибель, которую он встретил здесь. По его трупному лицу бурыми точками ползали муравьи, хлопотливо копошились в ресницах, выпивая последнюю влагу, заползали по неподвижным губам в открытый рот, и Никитин подумал, что убит он был час или полтора часа назад.

— Откуда здесь этот ребенок? — спросил Княжко, хмурясь, и кивнул Перлину.— Посмотрите у него документы. Кто он такой? Из гитлерюгенда? Или вервольф? Лет шестнадцать ему, наверно...

— Э, лейтенант, какая разница, шестнадцать не шестнадцать, чего тебе? — отозвался Перлин, смачно плюнув под ноги немцу.— Они тут отступали от опушки, к лесничеству. Да их не один по лесу лежит. Чего тебе? Руки марать и время терять...

Однако, присев на корточки, он с некоторой показной гадливостью поочередно вывернул все карманы убитого, но никаких документов не нашел, кроме необязательных и почти бесполезных вещиц, какие не носят провоевавшие и прошедшие долгую войну солдаты: маленький, никчемно изящный перочинный ножичек, какой-то потускневший значок с изображением кинжала и свастики, шомпольную цепочку, испорченный, без спуска крошечный браунинг, красный карандаш с обгрызенным колпачком, кучку начатых, раскрошенных галет; портмоне и фотографий не было. Этого убитого мальчика, видимо, еще ничего прочно не привязывало к земле — ни любовь, ни прошлое, ни пороки,— и, похоже было, нравились ему блестящие металлические предметы, как нравилось, вероятно, держать в руках автомат, готовый послушно сверкнуть огнем, подобно механической игрушке. И Никитин представил эту вожделенную страсть к металлу оружия по себе и по другим и свою влюбленность в личный пистолет после того, как впервые был получен он в день окончания военного училища, подумал: «Он еще недавно из школы».

— Мальчишка,— сказал Княжко с задумчивой неопределенностью.— Откуда он, интересно? Из городка? Как считаешь, Никитин?

— Может быть.

— Подох гитлерчонок, а дерьмо несусветное носил в карманах,— сказал Перлин и, подержав непригодные вещицы, бросил их на тело убитого.— Даже часов нет у мальца.

— Ох, и не обтесаны вы, офицер пехоты,— проговорил Княжко, и глаза его сердито вспыхнули, торопя Перлина.— Ну, вперед! Ведите вперед к позициям своей роты, старший лейтенант!

Никитин молчал. Он не любил задерживать внимание на убитых, на разглядывании их поз, порой чудовищно неудобных, безобразных, отмеченных навечно застывшей мукой или последней борьбой за жизнь, не выносил разглядывания их лиц, искаженных предсмертным удивлением перед законченными страданиями, со стеклянно выпученными глазами, каменными усмешками, мнилось, над живыми, или иногда успокоенных осмысленным отчаянием выбранного предела, поманившего в страшное, но пустынное ничто, откуда уже никто не стрелял, и Никитин не терпел хвастливых утверждений, что к этому нетрудно привыкнуть: вид чужой смерти предупреждающе напоминал о незащищенной хрупкости собственного существования на войне, беспощадно приближал, суживал круг вероятностей, которая не имела границ только раз на войне — в первом бою.

«Для того немца был первый бой,— думал Никитин, шагая рядом с Княжко следом за Перлиным.— Он понял, что такое жизнь и что такое война, когда побежал от опушки под нашими выстрелами. Автомата тогда, наверное, у него не было. Он убегал от смерти и бросил оружие. Как ненужную игрушку. И все-таки, почему я думаю об этом?»

И чем ближе подходили к хлещущей впереди пальбе, к железному гудению пулеметного ветра, чем пронзительнее ударял по слуху свист очередей, тем холоднее, тошнотнее ста-

новилось на душе Никитина. Ему в тысячный раз, гарантированный одной верой в везение, приходилось перебарывать себя там, где над «или-или» ненавистно и всесильно господствовал заостренный топорик рокового случая, но после оборванного боя с самоходками это чувство сближения с опасностью было особенно неприятным, и, чтобы подавить знакомое ощущение морозящего холодка в груди, он посмотрел на Княжко, стараясь угадать, испытывает ли он сейчас нечто похожее, унизительное, мерзкое, как позыв необлегченной тошноты.

А Княжко шел, легко ставя сапожки, переступая корневища сосен, брови его озабоченно хмурились, и невозможно было понять, о чем думает он сейчас.

— Здесь! Стоп, артиллеристы! — скомандовал вдруг Перлин, останавливаясь в зарослях.— Гляди вперед! Отсюда из кустов все видать! Здесь и орудия ставить надо. Вон где они засели! Бронетранспортер за сараем. Слева от дома.

— Только вот что,— сухо сказал Княжко.— Прошу не указывать, как и где ставить орудия. Сами разберемся. Далеко ваше капэ?

— Рядом было. Давай сюда, лейтенант, за штабель дров. Там заместитель мой оставался. А! Здесь везде один выбор, везде может в морду клюнуть!— отозвался Перлин.

И, согнувшись, окликая кого-то, прошел еще шагов десять, правее кустов, к низкому штабелю аккуратненько сложенных дров, откуда мигом взметнулась навстречу, точно из-под земли, фигура молоденького младшего лейтенанта, юное, с оттопыренными ушами лицо засуетилось там, послышался зачастивший голос:

— Товарищ старший лейтенант, вернулись? А это кто такие?

— Тихо, Лаврентьев!— успокоил Перлин грубо.— Молись богу, артиллеристов привел! Лежите все, расчертовы курортники, как на пляжах, а атаковать дядя будет?

— А вы посмотрите, что они делают!— вскрикнул пискливым голоском Лаврентьев, голоском никак уж не пехотным, и Никитин без труда определил по свежему ремню, по расстегнутой и непоцарапанной кобуре младшего лейтенанта: воевал недолго.

Тут, метрах в двухстах от лесничества, рискованно было минуту задерживаться у крайних сосен, опушка прошивалась огнем, пули, звеня, стаями дятлов долбили по стволам — и всем троим пришлось встать за штабель дров, отойдя в укрытие, наблюдать отсюда: так было в той или иной мере безопаснее.

Лаврентьев, должно быть, обиженный грубым упреком Перлина в присутствии артиллеристов, продолжал стоять возле штабеля поленьев, независимо отряхивая прилипшие иголочки хвои с гимнастерки.

— Вот, братцы, какая загвоздка. Дом ясно видите?— проговорил Перлин, водя по пространству между деревьями красноватыми белками черных глаз, и неожиданно рявкнул на Лаврентьева: — А ну, прекращай игры, ныряй сюда, гер-рой лопоухий!

Да, спереди уже была та ясность, которую с неприязнью к Перлину, к его роте ждал Никитин. Эта ясность положения стрелковой роты, остановленной здесь немцами, заключалась не в растерянном бездействии пехоты, а в этом хорошо теперь видном за деревьями двухэтажном добротном доме, окруженном деревянными пристройками посреди просторной поляны, и было нечто беспорядочное, бешеное, как при недавнем столкновении с самоходками, словно бы обреченное на смерть последнее неистовство, в непрекращающемся слепом огне немцев. Пехота залегла под крайними соснами, не подымалась, не перебегала, не показывалась на открытом месте, а немцы без передышки стреляли по лесу, по каждому метру поляны: весь дом — от нижних выбитых окон до мансарды — оскаленно пульсировал автоматными трассами, и наполовину скрытый углом левой пристройки бронетранспортер, поддерживая крупнокалиберным пулеметом оборону дома, отрывисто, с промежутками, гулко выхаркивал белые пунктиры по низу сосен вокруг поляны, где виднелись ползающие фигурки пехотинцев.

— Вот какая карусель, братцы... Как только гансов-франсов как следует вы оглоушите, я и подыму хлопцев ракетой,— сказал Перлин, обтирая плащ-палаткой пот с широкого, обветренного лица.— Сигнал к атаке: красная ракета. Это чтоб вы моих не долбанули под сурдинку.

— На рукопашную они совсем не идут,— заметил Лаврентьев и, солидным кашлем обрывая немужественную пискливость голоса, вынул с суровой воинственностью из кобуры новенький пистолет «ТТ», показательно выщелкнул кассету, этим удостоверяясь в точном наличии патронов, необходимых при рукопашной.

— Вишь ты, какой шустрый у меня Лаврентьев! По рукопашной тоскует!— хмыкнул плоским носом Перлин.— А знаешь ли ты, друг сердешный, ситный, что за всю войну я разик в немецкой траншее героем прикладом помахал, да и то сразу на три месяца в капитальный ремонт угодил! Какая тебе, к богу, рукопашная, когда автоматная пуля есть, а штыками консервы открывают. Ладно, встрял в разговор ты с детским бредом не к месту, черт!

— А я мнение свое, товарищ старший лейтенант,— забормотал Лаврентьев, насупясь, и для чего-то подул в ствол пистолета.— У меня мнение такое.

«Какой прекрасный парень!»— подумал Никитин.

— Ясно,— сказал Княжко, чуть улыбнулся Лаврентьеву, который, по-видимому, тоже понравился ему, и приказал Никитину: — Здесь хватит одного орудия и двух ящиков снарядов, остальные пусть ждут вне зоны огня.

— Уверен, что достаточно одного орудия?— усомнился Никитин.— А не лучше ли все-таки поставить на прямую взвод?

Но Княжко перебил его:

— Абсолютно уверен. Не по танкам стрелять. Давай сюда меженинское орудие. Неплохая позиция вот здесь. Слева от штабеля дров. Веди орудие тем путем, которым сюда шли.

— Я пошел.

«Почему он так спокоен и так уверен, что можно поддержать пехоту одним орудием и двумя ящиками снарядов?— подумал Никитин.— Не преуменьшает ли он чего-то? Ему кажется, что все просто будет?»

Когда минут через пятнадцать тем же путем через лес при помощи взвода пехоты Никитин привел орудие, Княжко взад-вперед ходил по ржавой хвое около штабеля дров, похлопывал веточкой по колену, изредка взглядывал вверх, где звенели, пели, отскакивали рикошетом, расщепляли кору сосен стаи очередей, и, только что появился Никитин, начертил не спеша веточкой круг на земле, скомандовал ему:

— Орудие ставить здесь. Лучшей позиции нет. Бронетранспортер и дом — в секторе! Орудие к бою!

— К бою!— крикнул Никитин и, увидев, как расчет заработал за укрытием щита, раздергивая, разводя станины, тяжестью тел вдавливая сошники в песок, тотчас подал другую команду: — Вкапывать сошники! До упора! Меженин, следить, чтоб орудие не скакало! Точность! Точность!

Меженин, с застылым, точно бы не воспринимающим команды лицом, выдвинулся из-за щита орудия, побродил подрагивающими ресницами по поляне, по четко видным отсюда постройкам лесничества, внезапно взревел, покрывая голоса расчета:

— Вкапывать сошники! Станину вам в глотку!

И согбенно навис грудью над наводчиком Таткиным, елозившим на коленях подле прицела, рукой так надавил на его щупловатое плечо, что рыжая голова Таткина рванулась назад от боли.

— Чего?— вскрикнул он, и коричневые усы его, прикрывавшие дефект раздвоенной губы, обнажили оскал мелких зубов.

— Ну-ка, мотай, счетовод, к едреной матери!— выговорил осипло Меженин и, толчком подняв его с колен, толкнув его назад, грузно опустился к прицелу, вонзаясь бровью в наглазник панорамы.

— Вы, Меженин?..— проговорил Никитин. Он знал, какой хищной цепкостью, быстротой и мягкостью наводки владел он, бывший наводчик Меженин, но как-то необъяснимо было это его решение наводить самому.

Ответа не было, и Никитин не сказал ему больше ничего, уже ловя команду Княжко, знакомую, звонко-ясную, слегка растянутую на слогах:

— По броне-транс-порте-ру...

Ему показалось, что после первого снаряда от серого корпуса бронетранспортера брызнули искры, огненные колючки огня, пулемет захлебнулся на половине очереди, чадный дым круто взвился над постройкой закрученной спиралью, и затем что-то темное, напоминающее человеческие тела, стало переваливаться по борту, две тени зигзагообразными бросками кинулись к дому, и в следующую минуту Никитин, определив прямое попадание, подал вторую команду спешащим голосом:

— Правее ноль-ноль четыре, по углу дома, осколочным!..

Коротко лязгнул вбрасываемый в казенник снаряд, раздался удивленный возглас Ушатикова: «К дому бегут?» Одно плечо Меженина угловато поднялось, помедлило, скользяще упало в нажатии руки на спуск, и тут же затылок и полноватая спина сержанта отклонились назад при выстреле, скачке орудия, и снова потным лбом впаялся Меженин в наглазник прицела. Но когда отклонился он, сбоку мелькнул перед глазами Никитина его профиль — жестокая складка перекошенного рта, дикое выражение сдавленного ненавистью и как бы пьяного лица.

Второй разрыв черно-багрово взметнулся в двух метрах за темными фигурками, скошенно упавшими около угла дома, по стене которого хлестнуло осколками и дымом,— и Меженин, с жадным облизываньем сухих губ, опять впиваясь в прицел, выхрипнул не слова, имеющие смысл, а глухие силовые звуки, какие издают при рубке топором. И странной силой надежды на счастливый исход боя от этой слитости его с орудием, этой точности стрельбы дохнуло на Никитина, и все вчерашнее, враждебно-отталкивающее, возникшее между ними, мгновенно исчезло, растворилось, было забыто, прощено им, и было забыто, наверно, Межениным, опьяненным разрушительным азартом начатого здесь боя.

— Командуй, лейтенант, командуй!..

В тот момент, когда второй разрыв снаряда накрыл двух немцев на углу дома, позади бронетранспортера, среди оседающей пороховой мути внезапно легла на поляну тишина. Захлебнулся крупнокалиберный пулемет. Смолкли автоматы; осыпалось, звенело внутри пристроек стекло — и сейчас же какие-то слабые крики, похожие на истерические рыдания, донеслись из выбитых окон лесничества и тоже смолкли.

— Стой! Прекратить огонь. Неплохо, Меженин!

«Нет, это не я командую, это Княжко, это он».

Княжко, сдержанный, как обычно, выпрямленно стоял под сосной шагах в десяти левее орудия, похлопывая веточкой по колену, смотрел на дом с удивлением, даже с вниманием брезгливой жалости — так наблюдают за бессилием раздавленного на дороге животного, делающего попытку встать.

«Что он остановил стрельбу? Почему? Сейчас надо по окнам, хоть один снаряд по окнам!»— подумал Никитин, различая у штабеля дров вытянутые к орудию лица Перлина и молоденького Лаврентьева.

— Молодцы, братва! Давай, ребята! Крой их, артиллеристы! Вжарьте им, сволочам! — закричал Перлин, подбегая в своей раскрыленной плащ-палатке к Княжко, и махнул ракетницей в сторону дома.— Колупните их еще! И мы атакнем! Еще снарядиков, братцы, еще бы парочку, милые!..

— Никитин! По окнам, два снаряда!— приказал Княжко, на лбу его просеклась морщинка гнева, и он бросил вскользь Перлину:— Прошу вас не вмешиваться в стрельбу. И не кричать без толку. Иначе я прекращу огонь.

— Командуй, лейтенант, командуй!— сипел Меженин, не отрываясь от прицела, и вновь правое плечо его наготове поднялось в неуловимо-мягком ожидательном движении руки, легшей на спуск.— Командуй, лейтенант!..

Он, ни разу не оторвавшись от прицела, с тончайшей, молниеносной быстротой как будто чутьем угадывал последовательность стрельбы и торопил самого себя, Никитина, весь расчет, едва успевавший следить за его готовностью по одному лишь поднятию плеча.

— По окнам! Два снаряда, осколочным!..

Продолжение следует.

1941–1945

Комбат.

Фото М. Альперта.

Конники на марше. Март 1942 года.

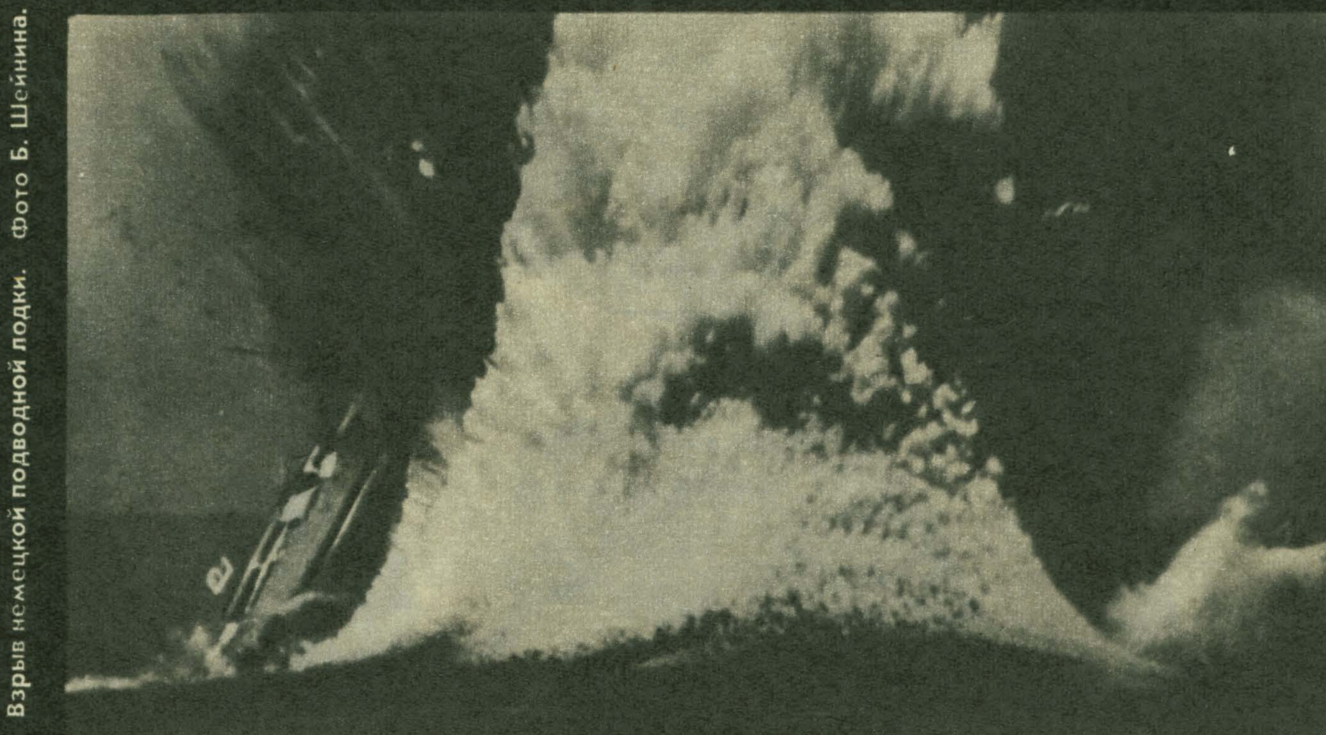
Фото М. Савина.

В мае сорок третьего на Воронежском фронте. Фото А. Архипова.

ЛЕТОПИСЬ ВОЙНЫ

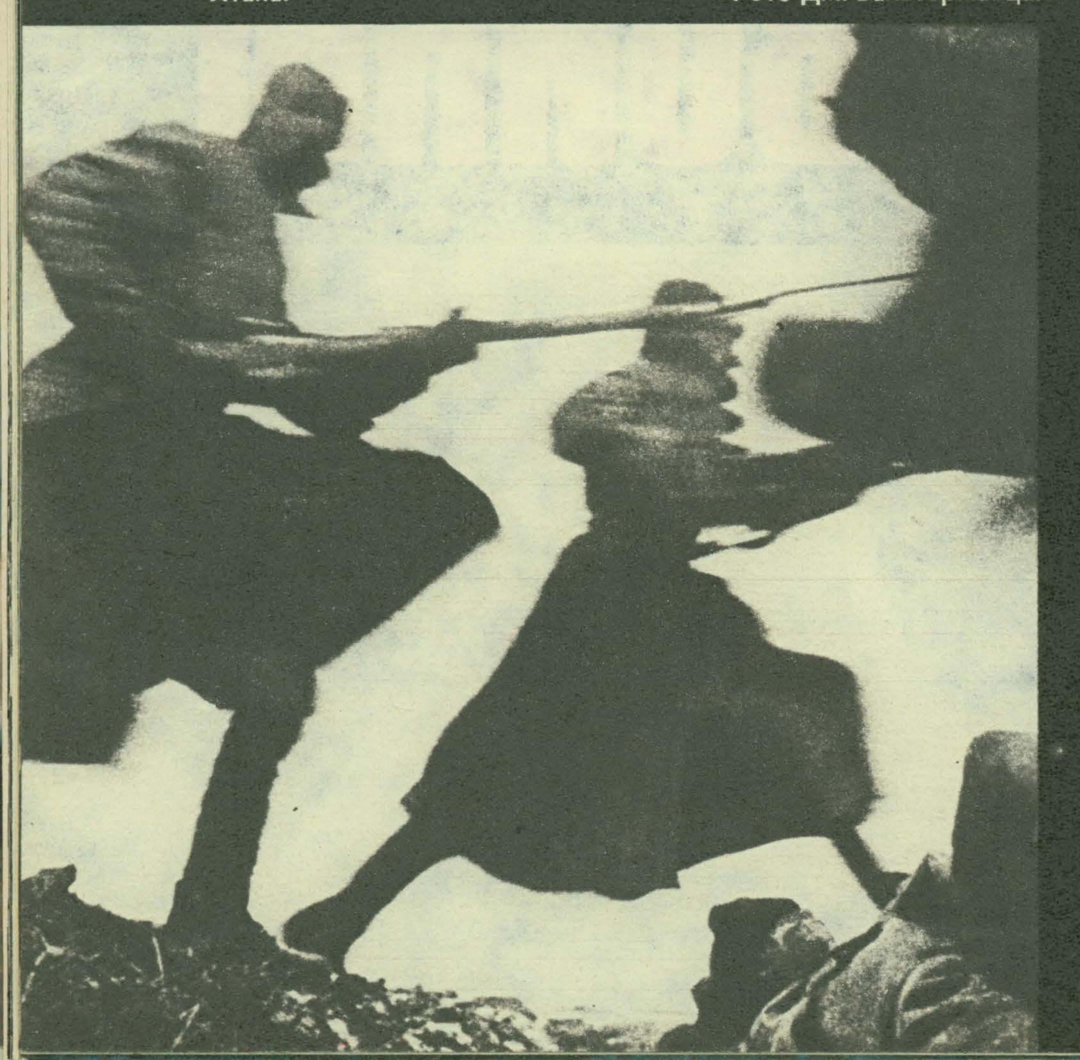

Взрыв немецкой подводной лодки. Фото Б. Шейнина.

Бой за деревню. Фото Дм. Бальтерманца.

На развороте вкладки:
П. Кривоногов. ПОБЕДА.

Атака. Фото Дм. Бальтерманца.

Взят еще один этаж. Сталинград. Декабрь 1942 года.
Фото Г. Зельмы.

А. Лактионов. ПИСЬМО С ФРОНТА.

Н. Бут. МАТРОСЫ С «МАЛОЙ ЗЕМЛИ».

Бригадный комиссар Л. И. Брежнев беседует с бойцами одного из соединений Черноморской группы войск.
Автор неизвестен.

Истребители танков сержант Валий Гизитдинов и рядовой Павел Милешкин готовятся к бою. Фото М. Савина.

Партизаны возвращаются с задания.

Автор неизвестен.

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

В. М. ШАТИЛОВ,
генерал-полковник,
Герой Советского Союза

Конец апреля 1945 года. Шла вторая неделя Берлинской операции. Войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов уже соединились западнее Потсдама, полностью окружив германскую столицу. Под ударами наших армий все больше сжимается кольцо вокруг центра Берлина, где еще сопротивляются остатки фашистского гарнизона. Исход сражения уже ясен. Но оно продолжается с прежним ожесточением.

150-я Идрицкая ордена Кутузова II степени стрелковая дивизия, которой я в ту пору командовал, пробивалась в составе 3-й ударной армии на юго-восток к излучине Шпрее, откуда уже совсем немного оставалось и до рейхстага.

Особенно тяжелые бои разгорелись в Моабите, районе, который, в сущности, стал предпольем всей обороны рейхстага.

Узкие улицы и переулки этой части города походили на каменные траншеи. Старинные дома с толстыми стенами, высокие каменные заборы, заводские корпуса — все было приспособлено к обороне. Немцы намеревались тут обескровить наши части, а потом отбросить контрударом. Дело в том, что южная оконечность излучины упиралась в мост на Шпрее, а от моста до рейхстага оставалось лишь 500 метров, и вела к нему широкая аллея.

Фашисты сопротивлялись с фанатизмом обреченных. Многие их опорные пункты продолжали вести огонь даже после того, как наши подразделения продвигались далеко вперед. Этим немцы пытались распылить силы наступавших, но своей цели не достигли: наши штурмовые батальоны неудержимо рвались вперед, не обращая внимания на оставшиеся позади вражеские опорные пункты, потому что боевые порядки дивизии были построены в два эшелона. Подразделения вторых эшелонов успешно добивали уцелевшего врага.

Так дом за домом, завод за заводом к вечеру 28 апреля мы достигли южной оконечности излучины Шпрее и моста имени Мольтке-младшего.

В девятнадцать часов артиллерия дивизии открыла ураганный огонь по южному берегу Шпрее. Бойцы роты Е. К. Панкратова, воспользовавшись этим, перебежали мост и ворвались в здание швейцарского посольства, стоявшее у набережной. Следом за ротой Е. К. Панкратова на другой берег переправились батальоны С. А. Неустроева и И. В. Клименкова из 756-го стрелкового полка, и сразу завязались тяжелые бои за дома по улице Мольтке.

На другой день, к вечеру, на этот же плацдарм для штурма здания министерства внутренних дел — солдаты называли его «домом Гиммлера»— переправился полк А. Д. Плеходанова.

К утру 30 апреля «дом Гиммлера» был полностью очищен от противника, и передовые подразделения вышли на Королевскую площадь, и на противоположной стороне перед ними, метрах в 350—360, предстал рейхстаг — громадное серое здание, в замурованных окнах которого чернели многочисленные бойницы. В подзорную трубу можно было рассмотреть торчащие из них стволы орудий и пулеметов.

Командный пункт дивизии расположился в здании министерства финансов, перед мостом Мольтке. Днем, поднявшись на четвертый этаж, можно было наблюдать за ходом боя. С темнотой мы спускались в подвал, и тогда за обстановкой следили только по телефонным донесениям.

Дивизия завершала подготовку к решающему штурму рейхстага. Стрелковые полки получили приказ сосредоточиться в южной части «дома Гиммлера» и занять исходное положение для атаки: полк Зинченко на левом фланге, Плеходанова — на правом. Артподготовка назначалась на тринадцать часов, штурм — на тринадцать тридцать.

Утро 30 апреля от дыма и гари казалось пасмурным. С четвертого этажа министерства финансов я видел, как по мосту на ту сторону реки проскакивают конные упряжки с орудиями, а немцы, понимая, что мы сосредоточиваем силы для последнего броска, не прекращают обстрел.

Спускаюсь вниз. Телефонный звонок. Докладывает Зинченко:

— Батальон Неустроева занял исходное положение. Только ему мешает какой-то дом: закрывает рейхстаг. Будем обходить его справа.

— Какой еще дом? Кроль-опера? Так он от вас на юго-запад...

— Нет. Этот на юго-восток...

Я помню, что на карте перед рейхстагом ничего не должно быть. Да и в подзорную трубу не видел никакого здания. Кричу в телефонную трубку Зинченко:

— У тебя план есть?

— Есть.

— Посмотри, какое расстояние до этого здания и каким оно номером помечено.

— До него... метров триста. Номер сто пятый.

— Так это и есть рейхстаг!

— Из подвала он нам как-то не показался,— смущенно отвечает Зинченко.

Последние часы перед штурмом.

Немцы все еще на что-то надеются. Ночью они пытались восстановить положение. Для обороны рейхстага на транспортных самолетах были доставлены отборные отряды курсантов-моряков из города Ростока. Гитлер лично приказал им решительным контрударом выбить наши части из «дома Гиммлера», отбросить на северный берег и немедленно взорвать мост Мольтке. Ночью моряки предприняли две яростных атаки, но бойцы 674-го полка отбросили курсантов, нанеся им тяжелые потери. Мы захватили в плен около четырехсот моряков во главе с командиром Гофманом. Его привели ко мне на НП.

— Какой смысл было бросать Ваш отряд в огненный мешок?— спрашиваю его.

Он щелкнул каблуками и по всем правилам строевого устава отрапортовал:

— Мы ждем с часу на час новое оружие... Тогда вам не удержаться в Берлине.

Смешно было слушать эту чепуху.

В течение ночи и утром наши орудия были поставлены на прямую наводку в трехстах — четырехстах метрах от рейхстага. Несколько орудий батареи втащили на второй этаж «дома Гиммлера», чтоб в упор громить огневые точки рейхстага. Сюда же внесли направляющие рельсы размонтированных реактивных установок 22-й гвардейской минометной бригады полковника В. В. Русанова. Вместе с боевыми порядками батальонов двигались батареи. Бойцы перетаскивали минометы на руках через завалы, проломы в стенах и занимали огневые позиции на Королевской площади. Батарея 120-мм минометов развернулась во дворе, сюда же по мосту Мольтке переправились и другие артиллерийские подразделения, которые должны были поддерживать наступление дивизии.

Сосредоточение наших сил проходило под непрерывным вражеским обстрелом.

К утру напряжение достигло предела.

К этому времени боевая задача была доведена до всего личного состава дивизии. Каждый командир знал свой участок, какой брать этаж, кто обеспечивает его фланги, какие орудия и танки идут вместе с пехотой.

В ночь перед штурмом никто из офицеров не спал.

30 апреля политработники на исходном рубеже, в «доме Гиммлера», проводили открытые партийные собрания. Рассказывали о Знамени Победы, о той почетной задаче, которая возложена Военным советом 3-й ударной армии на 150-ю дивизию.

Это знамя было вручено дивизии еще 22 апреля. В тот вечер полковник М. В. Артюхов вернулся с совещания начальников политотделов, которое созывал член Военного совета армии, и, протягивая скрученный в трубку и завернутый в бумагу сверток, из которого торчало древко, сказал мне:

— Вот Знамя нам вручили.

— Какое Знамя?

— Военный совет учредил девять знамен — по числу дивизий в армии. Какая дивизия возьмет рейхстаг, та и водрузит над ним Знамя Победы.

Артюхов снял бумагу и развернул алое полотнище. Оно было шириною около метра и длиной около двух. В верхнем углу, как обычно, звезда с серпом и молотом. Внизу у древка стояла пометка — № 5. Все девять знамен, учрежденных Военным советом, имели порядковые номера.

В подразделениях царил необычный подъем, люди были готовы в любую минуту броситься вперед, как будто и не было за их плечами многих бессонных ночей и кровопролитных схваток. Все ожидали условного сигнала — залпа «катюш».

На нашем правом фланге немцы все еще пытаются отбить переправу через реку. Пехота на бронетранспортерах, поддержанная танками, атакует беспрерывно. Наши артиллеристы, меняя позиции и маневрируя огнем, расстреливают их прямой наводкой. Но за одной отбитой атакой следует новая.

А тут докладывают: в центре наши танки не могут выйти на исходные позиции.

Нужно разобраться на месте. Да и ожидать штурма уже невмоготу. Вместе с капитаном Барышевым из оперативного отделения, адъютантом Курбатовым и несколькими разведчиками пробираемся к мосту. Перебегаем на ту сторону Шпрее. Вдоль набережной бьют тяжелые пулеметы.

— Вниз, товарищ генерал,— кричит кто-то,— под мост!

Мы нырнули под мост. Тут уже стояло несколько наших бойцов.

— Товарищ генерал!— обратился ко мне небритый солдат в ватнике.— Прошу вас часы взять.

И он протянул белый полотняный мешочек.

«Трофейщик» да еще нахальный»,— мелькнула мысль. Он, видно, понял.

— Меня старшина Игнатов сюда послал. Велел всем, которые к рейхстагу идут, часы выдавать, чтоб время нашего штурма навсегда запомнить.

— Спасибо!— говорю я.— Фамилия-то как?

— Рядовой Кобелев.

Я взял белый мешочек с карманными часами марки «Зенит». Оказалось, что большую партию этих отличных швейцарских часов Гитлер приготовил для награждения офицеров и генералов, которые первыми ворвутся в Москву. Когда наши солдаты заняли министерство внутренних дел, они по-своему распорядились трофеями...

Броском преодолели набережную и, прижимаясь к стене здания министерства, вышли на улицу Мольтке, где стояло семь-восемь наших танков. Я поговорил с экипажами. Настроение у танкистов было неважное. Накануне, не разобравшись в обстановке, они выскочили под огонь немецких зениток, поставленных у рейхстага для отражения наших атак, и потеряли несколько машин. Мы быстро разобрали допущенные ошибки и договорились о взаимодействии во время предстоящего штурма.

В одиннадцать часов начался артналет на огневые точки врага, и танкисты без потерь вышли на исходные позиции.

К двенадцати часам атакующие заняли свои места перед штурмом.

Стрелки часов подходили к тринадцати. И вдруг дрогнула земля. Гром прокатился над рекой, над Королевской площадью, над всем центром Берлина. Все орудия, танки, самоходные артиллерийские установки вели по рейхстагу огонь прямой наводкой. Тяжелая артиллерия стреляла с северного берега Шпрее.

Вместе с полковником М. В. Артюховым и полковником Г. Н. Сосновским, Героем Советского Союза полковником К. И. Серовым и майором В. И. Гуком я наблюдал со своего НП за происходящим.

В тринадцать тридцать бойцы поднялись в атаку. Каждый метр Королевской площади пронизывали пули, осколки мин и снарядов, и преодолеть эти сотни метров было нелегко. Солдаты бежали, падали, вскакивали и снова бежали вперед. Когда по железным балкам преодолели ров посреди площадки и осталось сто двадцать метров до рейхстага, шквальным огнем с флангов противник прижал наши батальоны к земле. Лишь роте Петра Афанасьевича Греченкова из батальона Давыдова и роте Ильи Яковлевича Сьянова из батальона Неустроева удалось где рывком, где по-пластунски подползти к центральной части рейхстага и установить с правой стороны главного входа Знамя Победы. Было 14 часов 25 минут 30 апреля. Водрузили его сержант М. А. Егоров и младший сержант М. В. Кантария.

Когда перед атакой они пришли на НП Федора Матвеевича Зинченко, тот спросил:

— Знаете, зачем я вызвал вас к себе?

— Не знаем, товарищ полковник!— ответили разведчики.

— Родина поручает вам водрузить Знамя Победы над рейхстагом,— сказал Зинченко.

— Будет выполнено, товарищ полковник!— в один голос ответили Егоров и Кантария.

Едва атака докатилась почти до стен рейхстага, Егоров и Кантария выбрались через окно «дома Гиммлера» на Королевскую площадь и догнали роту Сьянова. Тут их встретил командир первого батальона по политической части лейтенант А. П. Берест, на которого была возложена задача по охране Знамени и организация его водружения над рейхстагом.

Первыми вступили на массивные плиты главного входа Петр Щербина, Иван Богданов, Иван Прыгунов, Василий Руднев, Николай Бык, Илья Сьянов, Алексей Берест, Роджап Исчанов, Василий Якимович, а за ними в проемы стены хлынула вся рота.

В это же время с южной стороны через депутатский вход в рейхстаг проникли бойцы роты Греченкова. Вскоре после того, как мы увидели красное полотнище, прикрепленное к массивной колонне у главного входа на НП, позвонил Зинченко и доложил:

— Знамя № 5 Военного совета 3-й ударной армии установили у главного входа рейхстага. Первая рота ворвалась в рейхстаг и ведет бой.

— Поздравляю и желаю успехов!— крикнул я в ответ.

Эту радостную весть я доложил, в свою очередь, командиру 79-го стрелкового корпуса генералу С. Н. Переверткину. Тот — командующему 3-й ударной армии генералу В. И. Кузнецову. Кузнецов — Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову.

Вскоре после сообщения Зинченко и подполковник Плеходанов доложил по телефону:

— В 14.25 ворвались в здание рейхстага первая и вторая роты первого батальона.

В это время в коридорах и комнатах рейхстага кипел яростный бой. В двухтысячном гарнизоне рейхстага было много эсэсовцев. Фашисты решили отбиваться до последнего солдата. Сражаться приходилось за каждую комнату. Еще никогда не было такого ожесточения: схватка доходила до штыков, прикладов, кулаков.

Наступающие продвигались вперед на ощупь, так как двери и окна были замурованы кирпичом и совсем не пропускали света. Гитлеровских солдат обнаруживали по вспышкам выстрелов.

Но все дальше пробивались в коридоры рейхстага с одной стороны солдаты Неустроева, с другой — навстречу им — Давыдова.

После боя старший лейтенант Кузьма Гусев мне рассказал:

— Выбивали гитлеровцев из каждой комнаты. Темно. Не разберешь, где противник, где наши. Около большого зала наши подразделения столкнулись с бойцами роты Греченкова из 674-го полка. Хорошо, что скоро разгадали своих, не допустили перестрелки, без жертв обошлось.

Бой перешел на второй этаж. Михаил Егоров и Мелитон Кантария, находясь в боевых порядках роты Сьянова, перенесли Знамя и поставили его в окно второго этажа. Теперь недалеко было до крыши. И вот в то время, когда оставалось проскочить последний пролет, фашисты ударили из угловых комнат третьего этажа. В короткой схватке стрелковое отделение сержанта Щербины прижало гитлеровцев, и несколько из них подняли руки вверх. Но тут на помощь им подоспел новый отряд. Лейтенант Берест упредил фашистов гранатой. Те залегли за мебелью. Начался гранатный бой. К этому времени на помощь Бересту прорвалась рота капитана В. И. Ярунова и с ходу забросала фашистов гранатами.

Путь на крышу рейхстага был очищен. Егоров и Кантария сняли Знамя с окна и стали пробираться дальше.

Наступили сумерки. С оперативной группой я спустился с НП в полуподвал министерства связи. Гул боя с улицы доносился и сюда. Слышно было, как на Королевской площади рвались крупнокалиберные снаряды и мины. Вскоре они начали рваться так часто, что разрывы слились в сплошной грохот.

Полковник Сосновский, привыкший различать по силе артиллерийского огня намерения противника, сказал:

— Товарищ генерал! Что-то недоброе задумали гитлеровцы.

Вера Кузнецова, связистка, соединила меня с Плеходановым.

— Что там у тебя происходит?— спросил я командира полка.

— Со стороны Бранденбургских ворот противник подтянул резервы — до батальона пехоты с танками. Готовимся встретить.

Через полчаса фашисты и вправду перешли в контратаку. Кое-где им удалось вклиниться в боевые порядки батальона Я. И. Логвиненко. Артиллеристы К. И. Серова и Г. Г. Гладких в упор расстреливали вражеские цепи, но гитлеровцы остервенело лезли вперед. В ход пошли гранаты и фауст-патроны. Я. И. Логвиненко поднял батальон в контратаку, и противник был отброшен.

А в это время на левом фланге, в районе моста и на Карлштрассе, изготовилось к атаке еще до батальона вражеской пехоты с танками. Майор И. М. Тесленко развернул все двенадцать пушек к Карлштрассе и вместе с батальоном И. В. Клименкова встретил атакующих плотным огнем.

Тем временем Егоров и Кантария поднимались по железным ребрам купола все выше и выше. Стекла купола во многих местах были выбиты, но, упираясь ногами в железные переплеты, подтягиваясь на руках, два бойца в темноте под непрерывные разрывы снарядов, свист пуль шли вперед.

Наконец в 21 час 50 минут они достигли вершины купола и тут укрепили Знамя.

Но жестокий бой за рейхстаг продолжался. Он шел всю ночь на 1 мая. Едкий дым полз по всем этажам, не давая дышать, разъедая глаза. Два раза в эту ночь мы предлагали гитлеровцам, находящимся в подвальном помещении, сложить оружие, но оба раза наши парламентеры были обстреляны.

Утром 1 мая фашисты предприняли еще одну попытку вернуть потерянное. В бой были брошены все их резервы, и когда, не добившись успеха, они должны были отойти, то в нескольких местах подожгли рейхстаг.

Задыхаясь в дыму, борясь с огнем, доблестные советские солдаты героически отражали непрекращавшиеся атаки врага. Плечом к плечу с рядовыми сражались командиры.

Наконец в ночь на 2 мая от коменданта рейхстага к Неустроеву прибыл обер-лейтенант с сообщением о сдаче в плен полутора тысяч фашистов, находящихся в полуподвальном помещении.

Рейхстаг был полностью в наших руках. Шел 1 410-й день войны.

В семь часов утра 2 мая капитулировали все части берлинского гарнизона во главе с командующим обороны города генералом Вейдлингом.

На рассвете в последний раз я спустился по разбитой лестнице с четвертого этажа министерства финансов и вместе с А. Г. Курбатовым пошел к рейхстагу.

Дымка затягивала Королевскую площадь. Снаряды и мины не рвались, не трещали пулеметы. Непривычная тишина. Многие солдаты спали: кто сидя, кто положив голову на лафет. Двухнедельный штурм Берлина сморил солдат. Теперь они отдыхали.

Зато у самого рейхстага царила невообразимая толчея. Сюда ехали на машинах, танках, велосипедах, на лошадях, шли пешком. Всем хотелось расписаться на стенах рейхстага, каждый хотел сообщить, откуда он пришел в логово фашизма. Назначенный мною комендант рейхстага полковник Зинченко пытался как-то организовать очередность и какой-то порядок. Но сделать это было невозможно. Люди шли бесконечным потоком. Стены рейхстага были побиты, исцарапаны снарядами и минами, иссечены пулями и осколками. Купол, на котором развевалось Знамя Победы, походил на скелет мамонта. Замурованный кирпичом вход был выбит снарядами, в этот пролом позавчера и ворвались бойцы 756-го полка.

Рядом с западным депутатским входом стояли, упершись стволами в землю, разбитые танки с крестами на боках. По выщербленным ступеням главного входа мы вошли в здание, поднялись на второй этаж. Все говорило о жестоком бое: побита, исковеркана мебель, пол усыпан стеклом, кое-где еще не убраны трупы. Рейхстаг уже не горел, но кое-где чадило тлевшее дерево.

Я хотел осмотреть комнаты и залы верхнего этажа, но тут меня вызвали в штаб: готовился наградной материал на присвоение звания Героя Советского Союза особо отличившимся в штурме рейхстага.

СТИХИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

А. СУРКОВ

УТРО ПОБЕДЫ

Где трава от росы и крови сырая,
Где зрачки пулеметов свирепо глядят,
В полный рост, над окопом переднего края,
Поднялся победитель-солдат.

Сердце билось о ребра прерывисто, часто.
Тишина... Тишина... Не во сне — наяву.
И сказал пехотинец: — Отмаялись.
Баста.—
И приметил подснежник во рву.

И в душе, тосковавшей по свету и ласке,
Ожил радости прежней певучий поток.
И нагнулся солдат, и к простреленной
каске
Осторожно приладил цветок.

Сразу ожили в памяти были живые —
Подмосковье в снегах и в огне Сталинград.
За четыре немыслимых года впервые,
Как ребенок, заплакал солдат.

Так стоял пехотинец, смеясь и рыдая,
Сапогом попирая колючий плетень,
За плечами пылала заря молодая,
Предвещая солнечный день.

1945

А. АХМАТОВА

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

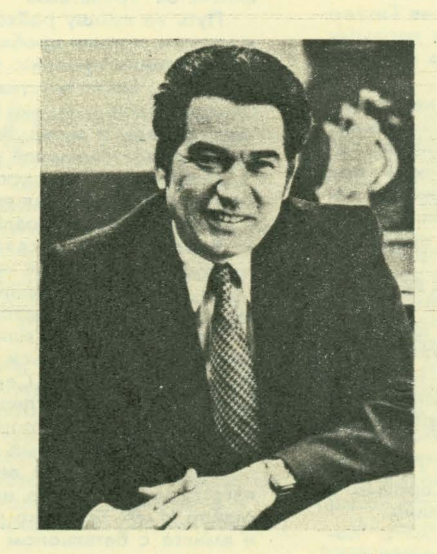
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки.

Февраль 1942

Чингиз АЙТМАТОВ

СНЕГ

В Шекер я наезжаю довольно часто — два-три раза в году. По разным делам, на свадьбу, на похороны... Эту близость к своим землякам и сородичам пытаюсь привить и сыновьям — сугубым горожанам. Не знаю, насколько преуспею я в этом. Времена, кажется, меняются...

Наш Шекер — большой, крепко укоренившийся киргизский аил. Триста с лишним дворов. Как ни приеду — то тут, то там новые дома под новыми крышами. Прибавляются дворы. Растет аил. И стоит он на видном месте, как говорят у нас, у «головы воды» — в предгорье, под самым Таласским хребтом, как раз в створе здешней великой двуглавой вершины — напротив пика Манаса. На ту высоченную гору взлетал на коне Манас обозревать местность вокруг — не идут ли откуда враги?.. (Нетрудно вообразить, какое огромное пространство мог оглядывать Манас с той-то высоты. Масштабы поистине эпические. Таким хотелось видеть в древности народу своего сына и героя Манаса.) Как бы то ни было, оттуда, из-под вечных снегов Манаса, прибегает в долину бурная и студеная Куркуреу, приносящая воду, а стало быть, жизнь всему, что живет на этой земле...

Я всегда волнуюсь, приближаясь к Шекеру, завидев еще издали сине-белые снега Манаса, сверкающие бликами в недоступной небесной высоте. И если отвлечься, если долго смотреть только на эту вершину в небе, то время как бы теряет свое свойство. Исчезает ощущение прошлого. Нет, думаешь себе, ничего не произошло, ничто не изменилось, все в мире так, как было десять, двадцать, а быть может, сто и тысячу лет тому назад. Стоит Манас на земле, как стоял. И облака над ним так же плывут, все те же облака. И сам ты все тот же мальчишка, который, выбегая из дому по утрам, видит и радуется этой горе над аилом. Увы, упиваться грезами можно только минуту, другую...

В этот раз я еду в Шекер, волнуясь больше обычного. Есть к тому причины. Редакция «Огонька» попросила меня написать очерк о своих земляках военной поры. Вначале я сомневался, что уж такого можно написать, ведь тыл есть тыл. Война — это фронт, сражения, а уж потом все остальное. Эти сомнения не оставляли меня и по пути. Но, приближаясь к аилу, глядя на извечные снега Манаса, вспомнил я многое.

Было о чем. Мое детство, все военные и послевоенные годы прошли здесь, в этой округе, именуемой в ту пору Шекерским аилсоветом. Вот об этом, о людях тех дней, вспомнилось.

Люди были как люди — труженики, крестьяне, активисты, каких встретишь в любом колхозе или совхозе. Теперь, когда я думаю о войне, каждый из них предстает как бы крупным планом в резком и глубоком освещении событий военных лет. Я помню митинги первых дней войны. Общая ответственность за судьбу страны становилась персональной. Прямо с митингов уходили из райцентра колонны добровольцев. В этом суть. Как теперь я понимаю, каждому человеку, великому и малому, на фронте и в тылу нашлось свое историческое место в этой грандиозной, всенародной борьбе... Да, историческое. Другими словами об этом не скажешь...

И потому, когда мы говорим: «до войны», «после войны», «в войну»,— то это не просто разговорные фразы. Для меня в них нечто большее, чем житейская хронология, для меня в них, в этих словах,— время сурового познания жизни, время приобретения нашим обществом опыта, ставшего достоянием мирового значения. Ибо война явилась не только глобальной исторической вехой, разделившей XX век на две части — на довоенный и послевоенный периоды в развитии человечества, но и явилась судьбою, участью каждого человека, жившего в ту пору, мерилом его поступков и нравственных ценностей. Война предстала перед ликом буквально каждого из людей, не знаю я никого, кто обошел бы войну так или иначе стороной. Кто пытался это делать, неизбежно сталкивался с самим народом, ибо то была общая судьба народа, и никому не могло быть никакого исключения. (Об этом я и хотел сказать в самой первой своей небольшой повести «Лицом к лицу».) Война предъявила максимальный счет эпохи каждому на его жизненном пути...

И тут никак не обойтись без ссылки на личный опыт. Когда началась война, мне было тринадцать лет. Этим означилось открытие большего мира для моего поколения. Самому теперь не верится, в четырнадцать лет от роду я уже работал секретарем аилсовета. В четырнадцать лет я должен был решать довольно сложные общественные и административные вопросы, касающиеся самых различных сторон жизни большого села, да еще в военное время. Но тогда это не казалось ничем таким из ряда вон выходящим. Ребята, окончившие в 41-м году седьмой класс, Момбеков Паизбек (всю жизнь, тридцать три года, проучительствовал человек!) и нынешний директор Шекерской средней школы Бекмамбетов Сейталы уже преподавали в школе, в младших классах. После войны они получили высшее образование. Мой брат Ильгиз — теперь он директор Института физики и механики горных пород Киргизской Академии наук — младше меня на три года. Он учился в школе и одновременно работал почтальоном. Всю войну.

Перевел с киргизского автор.

А МАНАС-АТА

Я горжусь им. Славным и добросовестным был он почтальоном в ту горькую пору. Босой, худенький мальчишка одиннадцати лет, такого сейчас, пожалуй, одного на другую улицу не отпустят, бегал за солдатскими письмами и газетами, которые он зачитывал людям вслух на полевых работах, за многие километры, переправляясь через реку, в соседнее село, где была почта. В свои 15 лет он был награжден по представлению общего собрания колхоза «Джийде» медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Заслужил. Это и я могу подтвердить.

Но не в этом дело. Собственно, мы с ним, как и многие подростки военных лет, всем лучшим в себе обязаны старшим людям, воспитывавшим нас и словом и делом на своем примере.

Помню, как зимой 1942 года вызвали меня однажды из дома. Кенеш приехал на коне, сельсоветский рассыльный:

— Садись, сынок, ко мне на коня. Начальство требует. Наверно, дело важное.— Он освободил стремя с ноги, потянул меня на круп лошади, и мы поехали с Кенешом. Он — впереди, я — позади.

Вот тоже была интересная личность в нашем аиле. Настоящее имя его — Ибраим. Но все в округе звали этого человека Кенешом. «Кенеш» от слова «совет», и имелась в виду «Советская власть». Будучи бедняком из бедных, он первым в аиле поднял клич за бедняцкую, за Советскую власть, первым батрачкомом был в начальные годы после революции. Тем и прославился этот безграмотный батрак, что всю жизнь, на всех больших и малых собраниях, агитировал за Советскую власть. И всегда заявлял при этом, что лично для себя никакой выгоды не ищет: «Мне — кусок хлеба и коню — клок сена. И больше ничего не требуется. А для Советской власти днем и ночью буду работать, пока не свалюсь с седла». Когда потребовалось, последнюю козу отдал при подписке на заем. Так и работал до конца дней своих рассыльным и добровольным агитатором, и умер он, можно сказать, действительно в седле. На склонах Манаса люди по сей день поминают его добрым словом. И по сей день с чувством удивления. В годы войны Кенеш был уже старым, но натура, активная и страстная, брала свое — несколько раз я был свидетелем его «спонтанных» митинговых выступлений на собраниях. Чувствовалась батрачкомовская закалка, от души, от сердца говорил, зажигал словами...

Этот человек и привез меня в сельсовет. В холодном, нетопленном помещении с земляным полом и оконцами из составленных обломков стекла сидели трое. Тот, что в шубе, сивобородый, высоченного роста, пожилой чабан из Арчагула, соседнего аила за рекой,— Турдубаев Кабылбек, новый председатель сельсовета вместо ушедшего на фронт. Двое других — в солдатских шинелях раненые фронтовики: председатель колхоза Алишер Айдаров, вернувшийся с войны лишь недавно, с еще забинтованной рукой, и секретарь сельсовета Нукеев Калый, с костылями, прислоненными к стене. (Все трое ветеранов здравствуют: Турдубаев Кабылбек — на пенсии, заслуженный колхозник, Алишер Айдаров — агроном-табаковод, Калый Нукеев — председатель соседнего Кок-Сайского сельсовета).

— Школу тебе придется пока оставить,— сказал мне тогда Турдубаев.— Потом доучишься. После войны. Потому как Калый пойдет бригадиром,— кивнул он в сторону Нукеева.— Ему на костылях куда лучше бы здесь секретарем. Но без бригадира в колхозе никак нельзя. Сам понимаешь. А больше некому. Я же человек малограмотный. Всю жизнь за скотом ходил. Мне помощник нужен толковый. Вот мы и решили, что ты подойдешь для этой работы...

Вот так я стал секретарем сельсовета. Арчагул, аил за рекой, был тоже приписан к нам. Два больших аила, тревожное военное время: председатель пришел от отары, секретарь — мальчишка со школьной скамьи. Такова была ситуация. А жизнь шла своим ходом, выдвигая дела, не терпящие отлагательств. Работы оказалось много. Грамотей я был тоже не ахти. В одной из бумаг райисполкома предписывалось провести на территории сельсовета «маленизацию», как потом выяснилось, то был ветеринарный термин,— речь шла о специальной обработке препаратами конского поголовья. Я же сказал Турдубаеву, что предстоит «мобилизация» всех лошадей. Он даже почернел лицом: «А как же мы тут в колхозах без тягла?» И отправились мы с ним в спешном порядке в райцентр, в село Кировское, за сорок километров. В полночь выехали. Прибыли в большом беспокойстве. Но там нам объяснили, что к чему. Конфуз получился. А тут еще вышли мы из райисполкома, стали садиться на лошадей, конь мне попался высокий, а росту я был небольшого, да еще в шубе, в шапке, подпоясанный, дело то было зимой, и в этой одежде не дотянусь до стремени ногой и все тут! А нам надо побыстрей в банк успеть. Пока я крутился, пытаясь вскарабкаться на лошадь, Турдубаев приподнял меня, человек он был сильный, и усадил в седло. Совсем стало мне стыдно. Что ж это за секретарь сельсовета, которого, как малое дитя, сажают в седло!

— Я так работать не буду! — заявил я довольно резко.

— Никто не видел,— успокоил меня Турдубаев.— А работать придется. Вот только учиться тебе еще надо. Как кончится война, сразу в школу отправляйся. Поехали.

Теперь, по истечении многих лет, я благодарен судьбе, что мне довелось, как говорится, сызмальства, встретить интересных, достойных людей. Одним из таких был мой председатель сельсовета, мудрый аксакал Турдубаев, бывший чабан. Года через полтора, когда появились грамотные люди, раненые офицеры, он снова вернулся к своей исконной профессии. Встретились мы как-то много позже на поминках одного близкого нам человека, разговорились и вспомнили, конечно, совместную работу нашу в сельсовете. Думал, что посмеется старик, как говорят в таких случаях, что, мол, не было утки — и кулик был уткой. Нет, серьезный вел он разговор. Часто, говорит, вспоминаю, все ли мы сделали тогда, как требовалось.

А требовалось многое в ту тяжкую, суровую пору. Мобилизации шли одна за другой. На фронт, в трудармию, на шахты, на лесозаготовки и даже на Чуйский канал, который продолжали строить и в те годы. Мы не ограничивались вручением людям повесток и положенной при этом канцелярской регистрацией. Турдубаев считал своим долгом поговорить с каждым человеком, с его семьей, убедить, помочь словом, делом и непременно сам провожал уезжающих с напутственным словом, часто отправлялся с ними в райцентр в военкомат, был с ними вместе до последней минуты отправки. Несколько раз эту миссию он поручал и мне, несмотря на то, что вряд ли я мог справиться с ней надлежащим образом. Как я ни пытался держаться серьезней, мальчишка есть мальчишка.

Однажды произошел такой случай. Чабан, которого призывали в трудармию, не явился в назначенный срок в сельсовет, для отправки в райцентр. Рассыльному ответил отказом. Пришлось мне подскочить. Человек встретил меня на пороге зло и раздраженно. Честно говоря, он был прав. Весь год ходил с отарой, кочевал с семьей, с детьми. Вместо положенных четырех пастухов работал с женой вдвоем. На трудодни ничего не получил. Теперь его мобилизовывали. Спустился с гор в свой нежилой, брошенный дом в аиле. А тут хоть шаром покати, никаких запасов — ни топлива, ни одежды, ни корма для коровенки.

— Как я поеду, как я их брошу? — говорил он, указывая на малых ребятишек и на больную жену, которая лежала, укрывшись шубой, в углу.

Я не знал, как быть. Однако понимал, что закон есть закон и его необходимо выполнять.

— Вы отправляйтесь, а мы позаботимся,— искренне заверил я его, хотя не представлял себе, каким образом и что я мог сделать для этой семьи. Чабан грустно улыбнулся:

— Это ты-то позаботишься?

— Да, я, сельсовет наш...

— Ладно, мальчик,— сказал он со вздохом.— Иди, я уж как-нибудь сам. Иди. Никуда я не денусь. Пристрою их малость и отправлюсь хоть на край света.

Вернулся я в сельсовет удрученный всем этим. Рассказал Турдубаеву. Очень он хмурился. То и дело бороду сжимал в кулаке. Была у него такая привычка.

— Что ж ты предлагаешь? — спросил он глухим, басовитым голосом.

— Помогите,— сказал я.— Надо топлива, сена, да и с мукой у них плохо дело. Ребятишки мерзнут, голодные с виду.

— Что надо, это я и сам знаю. Ты обещал, от имени сельсовета обещал, значит, ты и должен выполнить свое обещание. Иначе нам с тобой люди не будут верить. Иди к председателю колхоза и добейся, чтобы бричку дали да сена подвезли, соломы на топливо. Добейся, чтобы муки, картошки им выписали. Человек должен завтра уехать в трудармию и понимать, что есть тут Советская власть. Пусть один старый, другой малый, но все-таки власть...

Не так-то просто оказалось выбить у председателя колхоза то, что требовалось. Попал под горячую руку. У него в колхозе своих дел, своих нужд по горло. С него спрос за все: дай план, дай то, дай это. И никто не скажет колхозу: на! Только дай! А чтобы дать, надо работать. А с кем работать, кому работать?! Некогда и некому развозить по дворам сено-солому! В трудармию уходит человек; пусть идет — не он один. Вся страна воюет. Все семьи нуждаются, все бедствуют...

Надо же такому случиться, в недобрый час подступился я к председателю. Наболело, накипело на душе человека. Но я настаивал, как мог, доказывал, просил. В отчаянии готов был за вилы схватиться. Дело происходило на конном дворе. И когда сказано было мне: вон кони, вон упряжь, солома в поле, у гумна; вон сено в скирдах; везти некому, как хочешь, так и управляйся,— я тут же кинулся, запряг лошадей, швырнул в рыдван пару вил и с грохотом выкатил на улицу. Надо было поспешать. Зимний день быстро вечереет. На улице приостановил возле дома двоюродного братишки — Паизбека Момбекова. Жил он у родственников, отец в армии, мать померла, сам

Паизбек, как уже говорил, учительствовал в школе, ему было лет пятнадцать. Хорошо, что Паизбек оказался дома. На пару с ним покатили в поле за соломой. Большой воз уложили. По дороге опрокинулись. Перепрягли лошадей. Поставили, правда, с большим трудом рыдван на колеса. Снова уложили солому. И к вечеру, еще засветло, приехали во двор чабана. Сидя на возу, увидел я, что уже многие деревья у себя на огороде порубил он под комель. Подряд валил. Мы скидывали солому, а он все стучал топором. Потом подошел, взопрел, со спины пар поднимался. Мы молчали, и тогда он сказал:

— Спасибо, ребята. А я вон порубил тополя на дрова. Подсохнут малость, сгодятся потом, без меня. Жалко, деревья еще молоденькие были. Да ладно. После войны, бог даст, насадим, нарастим еще.

Я отдал ему бумажку с распоряжением председателя о выдаче его семье муки и картошки. Точно помню — 8 килограммов размола и 20 килограммов картофеля. И сказал, что сено подвезем завтра с утра.

— Извини, брат, что я давеча погорячился,— проговорил чабан смущенно.— Страшно мне стало: дети совсем малые и жена последнее время часто хворает. Простудилась в горах. Не то стал бы слово молвить...

Мы с Паизбеком принесли пилу и в тот вечер долго пилили сваленные тополя на чурбаки, чтобы колоть их затем на поленья.

Вернулся очень поздно, отбиваясь от собак на улицах. И ночью не спалось. Боялся проспать. Рано утром надо было проследить сбор и отправку в райцентр мобилизованных. Но не только это. Разные мысли лезли в голову. О войне думалось. Прежде она представлялась как сплошная стрельба из пулеметов и сплошные подвиги, враги падают снопами, а нашим хоть бы что... Эта наивная детская иллюзия претерпевала жестокое крушение. Что ни день, прибывают в сельсовет «черные бумаги» — похоронные извещения с фронта. Пал смертью храбрых тот, пал тот, тот и тот... Самое страшное — оповестить об этом семьи погибших. И хотя сообщали эту горькую весть с положенным достоинством старики аксакалы и оплакивали погибшего всем аилом, саму бумагу, «черную вестницу», приходилось вручать на дому мне. Не сразу, попозже, уже после взрыва отчаяния и страданий. И все равно жутко вынимать из казенной полевой сумки, доставшейся мне по наследству от прежнего секретаря, небольшую, размером с ладонь, печатную бумагу с военным штампом и подписями майоров, капитанов или других штабных лиц. Текста несколько строк. Тихо зачитываю, перевожу слова на киргизский язык и умолкаю. Слышу тяжкий, опустошенный вздох, будто каменистая осыпь зашуршала с горы и поползла, покатилась вниз. Трудно поднять мне глаза, хотя я ни в чем не виноват. Я отдаю бумагу. «Спрячьте»,— говорю. И тут сдерживаемый, сдавленный плач матери прорывается вдруг судорожными рыданиями и затем долгим, бесконечно горестным плачем. Неужели эта бумажка дана взамен живого сына?!

Я не могу ни встать, ни уйти, ни утешить. Как тут утешишь, какими словами! В такие минуты мне хочется выскочить из дверей, схватить пулемет, да, именно пулемет, и бежать с ним без передыху прямо туда, на фронт, откуда пришла эта бумага. И там, крича от ярости и гнева, расстреливать фашистов очередями, очередями из неиссякающего и неумолкающего пулемета. Но это только в мыслях. Кто мне даст пулемет, мальчишке и притом небольшого роста! Хотя бы ростом был повыше...

Наконец ухожу, подавленный горем близких мне людей. Ухожу, перебросив через плечо сельсоветскую полевую сумку. В ней еще есть другие «похоронки».

Об этой казенной сумке довоенного образца, такие сумки носили обычно разъездные уполномоченные, я как-то рассказал своему земляку, известному киргизскому писателю Ашыму Джакыпбекову, главному редактору студии «Киргизфильм». То была сумка его старшего брата Айтаалы. Ашым тогда школьник младших классов. Айтаалы же был общительным парнем, не чурался нас, устраивал военные игры, водил в походы, а потом вдруг быстро вырос, повзрослел и незадолго до войны работал секретарем сельсовета. Потом, когда пришел мой черед секретарствовать, Нукеев поинтересовался при передаче дел: «А сумка у тебя есть? В чем будешь бумаги носить?» Разумеется, никакой сумки у меня не было, в школу мы ходили с книгами за поясами. И тогда он достал эту сумку со дна шкафа среди старых бумаг. «На, держи. Это сумка Айтаалы. Как бросил ее, когда уходил в армию, так и лежит. Бери, пользуйся. Не будешь же носить бумаги в руках...»

Так эта сумка попала ко мне. В ней я обнаружил разные деловые записи, старые квитанции, невврученные извещения об обложении дворов разными налогами, и среди этих бумажек было письмо в стихах, признание в любви. «Ашыктык кат» — так и было озаглавлено это послание. Видимо, Айтаалы не успел передать его той девушке, которой оно предназначалось. Я не знал, как с ним поступить. Имя девушки не было указано. Проставлены лишь инициалы. Мне показалось неудобным показывать это письмо кому-либо, и я по наивности своей и недопониманию взял да порвал его. Потом очень сожалел об этом. Когда в эту же сумку попало извещение о гибели Айтаалы на фронте, понял я необдуманность своего поступка...

В мои обязанности входило распределять по спискам между семьями фронтовиков крохотные связочки кустарных промкомбинатовских спичек, такое же самодельное мыло, порезанное на кусочки, нитки, керосин — «чекуша» на семью... Тяжкое то было дело.

Бедствия, лишения, страдания. Думалось: будет ли предел всему этому? Это ли не испытания? И все же самое высшее испытание заключалось не в этом — народ явил великое, невозможное выразить словами мужество, не склонив головы перед грозным ликом войны. Как бы ни приходилось трудно, казалось, нет уже никаких сил выносить все новые и новые беды и бремя тягот, казалось, терпение человеческое уже на исходе, и все же люди не утратили способности к борьбе, снова и снова принимались делать все, что от них могло зависеть.

О женщине военных лет сказано много. Достойно и справедливо воспета она как труженица и мать. И все-таки, будь я скульптором или художником, жизнь посвятил бы на то, чтобы создать образ женщины военных лет, в котором попытался бы выразить в едином порыве все свои чувства благодарности, восхищения, гордости и сострадания к ней, к этой великой фигуре XX века.

Помню, как-то появился в сельсовете заезжий художник. Пожилой человек рисовал за муку портреты стахановок. Наша красавица Асия Дубанаева, лучшая звеньевая, веселая и общительная, на портрете получилась совсем иная. Похожая и не похожая на себя. Не знаю, сохранился ли тот портрет. Молодое, красивое лицо с глазами, полными тревоги и скорби. Мы стояли возле художника, наблюдая за его работой. Кто-то сказал художнику, что Асия не похожа на себя.

— Она похожа на всех, кто ждет мужей,— ответил художник.

К сожалению, наша Асия так и не дождалась своего мужа. Так и прошли ее годы: ожидая, работала, работая, ожидала.

Подростки — все же большие дети. Но именно они рядом с женщинами приняли на себя в те дни на неокрепшие, полудетские свои плечи мужицкие заботы о хлебе насущном... Тогдашние мальчишки двенадцати-тринадцати лет стали пахарями и хлеборобами. В 1942 году наш колхоз в Шекере решил распахать дополнительно более 200 гектаров новых земель под яровые. «Хлеб для фронта!» Этим было сказано все. По нынешним понятиям, вспахать пару сотен гектаров никакая не проблема. Загнал трактор на полосу — и делу конец. Тогда же, при конном тягле, при считанных плугах в колхозе, поднять сверх плана такую пашню было делом подвига. Да, именно так! За день четырехконная упряжка двухлемешного плуга может от силы обернуть пласт на залежном или целинном поле немногим более полугектара. Вот и считайте...

Ребятам-пахарям пришлось бросить школу по этой чрезвычайной причине. Потому как готовили коней с зимы. Тягловый конь требует каждодневного и неусыпного ухода, иначе в первые же дни посевной выйдет из строя. Работа с плугом наитяжелейшая в сельском хозяйстве. На селе это знает каждый.

Чтобы поспеть со вспашкой и севом, в тот год выехали в поле самой ранней весной. Почва только-только задышала. Можно сказать, зима еще не сошла. Помню, как сейчас, то был конец февраля.

В первые же дни я поехал проведать своих товарищей на поле в Кок-Сайскую степь. Когда выезжал утром, день стоял серый, пасмурный. А когда приехал, снег повалил вдруг. Закружило, побелело. И вот с тех пор не покидает мое воображение та картина маленьких плугарей в плывущем по воздуху снегу. Снег был крупный, густой, быстро тающий. Он шел на огромном, пустынном пространстве, застилая взор на весь белый свет. Тишина стояла кругом, безлюдье, только сыплет бесшумно падающий снег. И только плугари не унимались, погоняя лошадей. Вдоль черной, перекинувшейся через пригорок полосы загона один за другим шли плуги, как корабли в тумане на крутизне воды. Они скрывались за пригорком, точно бы ныряли в волны. И тогда доносились лишь голоса ребячьи. Я поехал краем пашни на встречу с ним.

Плуги выплывают из вихрей снега. Припадая к борозде, сжались в напряжении четверки жадно дышащих лошадей. Снег мгновенно таял на их горячих спинах белым паром. Тяжело коням, земля под ногами сырая, мокнущая, сбруя намокла. Да и ребятам понукающим не легче. На головах у них набрякшие от сырости порожние мешки. А сами с локоток. Им бы в такую погоду в теплом углу сидеть. Но они дети войны, и они знают, что такова их доля и ответственность.

Снег идет... В белой завесе снега ползут черные упряжи плугов. Плуги идут, не останавливаются... Узнаю ребят по голосам. Байтик, Тайрыбек, Сатар, Анатай, Султанмурат... Мои одноклассники. Я долго не приближаюсь к ним, не хочу, чтобы они видели, как я плачу...

Зимой мы пережили страшный случай. Ночью раздался сильный стук в окно. Нагнувшись с седла, кто-то кричал:

— Вставай! Быстрей на конюшню! Лошадей увели!

Я мигом оделся и побежал. Из домов выскакивали люди, натягивая на ходу одежды. Приближаясь к конюшне, услышал громкие, взволнованные голоса. Оказывается, в полночь, когда уснул дежурный конюх, неизвестные увели двух лучших лошадей со стойла с краю от ворот. Конюх сперва подумал, что лошади отвязались случайно, и спохватился лишь тогда, когда обнаружил, что вместе с лошадьми исчезли и седла. Выскочил, но было поздно...

Надо было догнать конокрадов. Без седел, кто на какую лошадь успел вспрыгнуть, кинулись мы в разные стороны вдогонку. Неизвестно, что бы мы делали, если бы и догнали. Какие конокрады убоялись бы нас, мальчишек?.. До самого рассвета рыскали мы по оврагам, по буеракам, по заброшенным зимовкам, нет нигде, и следа не видно. Опытные оказались воры. Мы очень переживали: готовили лошадей к весновспашке, бросили учебу ради этого, но нашлись же такие люди, которым все нипочем...

Я сознательно пытаюсь писать обо всем этом как можно сдержанней и лаконичней, ибо не уложусь в необходимые границы жанра, если стану подробно излагать, что и как было в те годы в нашем Шекере. Постараюсь как-то сгруппировать людей и события. О своих сверстниках-односельчанах я мог бы поведать еще много интересного и достойного внимания, ибо мы оказались тем поколением подростков, которые на другой день войны шагнули сразу из мира детства в пучину военной жизни, в многострадальную тыловую действительность, потребовавшую от нас далеко не детской зрелости и мужества.

Думая о тогдашних своих сверстниках, я сейчас прихожу к выводу, что мое поколение оказалось столь жизнестойким и цельным, возможно, благодаря именно той суровой обстановке. Это вовсе не значит, что современные условия материального благоденствия мало способствуют жизнестойкости молодежи. Наоборот. Только по недомыслию можно благо обернуть во зло себе. У каждого времени свой спрос с человека, свои проблемы и требования, и потому жизнь никогда не дается

легко, если к ней подходить всерьез, если дерзать, а не выискивать беспечное житье. Где обрел человек беспечное проживание, там человек кончается как цельная натура. И если на то пошло, такие возможности развития личности, как теперешние, нам и не снились. Но не об этом, собственно, речь. Я просто хочу сказать, что среди моих сверстников военных лет нет такого человека, за которого мне сейчас было бы стыдно. Нет, таких нет. Все они давно семейные люди, почти у всех уже взрослые дети, каждый занят своим делом, и мне доставляет большое удовольствие сказать, что их жизненный путь — это путь людей большого человеческого достоинства. Кого бы ни взять, за каждого можно поручиться. Братья Тайсариевы — «плугари» Байтик и Тайрыбек — от тех дней и поныне труженики, не покладающие рук, уважаемые в аиле люди, коммунисты. Байтик — звеньевой, знатный в республике табаковод. Тайрыбек — одинаково нужный человек и в полеводстве и в животноводстве. О Паизбеке Мамбекове я уже говорил — 33 года учительствовал, умер два года тому назад. Токтогул Усубалиев прошел путь от учетчика до председателя колхоза. Сейчас он руководит в соседнем Бакаире. Нуралиев Абдалы — бывший комсомольский работник, колхозный активист. Токтогул Мамбеткулов, Батима Орозматова вот уже годы и годы учат в школе шекерских детей. Нурия Джолоева, Орозгуль Усубалиева тоже учительствуют в отдаленных районах. Алымсеит Доолбеков — ветфельдшер с многолетним стажем. Жапарбек Досалиев — работник лесхоза. Тургунбай Казакбаев — председатель одного из самых крупных киргизских колхозов. В хозяйстве колхоза «Россия» только овец 60 тысяч голов. Мирзабай Джолдошев — главбух тоже очень крупного колхоза в нашем Кировском районе. Гапар Медетбеков стал ведущим артистом Нарынского драматического театра...

Вот так сложились наши судьбы. Трудно, очень трудно, но не бесцельно.

У великого казахского поэта Абая сказано, что жизнь — это движение моря, когда за грядою волн катит следующая гряда, за волной «предыдущего поколения» следует новая смена, а за ней последующая и так без конца... И море живет...

Размышляя о годах войны, прихожу к убеждению, что в нашем нравственном становлении, безусловно, определяющую роль сыграла «предыдущая волна» — старшее поколение, поколение фронтовиков. Об этом можно было бы рассказать очень многое. Конечно, все поколения всегда взаимосвязаны. В мирной жизни этот процесс протекает своим естественным ходом преемственности опыта и традиций. В войну же все резко сдвинулось. Наш тихий Шекер у подножия вечного Манаса, находясь среди гор, вдруг оказался в быстрине общих событий, потрясающих мир. Наши люди, призванные на защиту Отечества, хлынули на фронты, к нам докатывались волны эвакуированных. А за горами, через станцию Маймак, связывавшую нас с внешним миром, через Джамбул, наиболее ближайший к нам город, шли и шли круглыми сутками эшелоны в ту и другую сторону — на запад и на восток. Здесь гудел напряженный пульс борющейся страны...

Одним из первых, кто это познал на собственном опыте, кто рассказал нам о войне, о фронте, о схватках с танками, о бомбовых разрывах, о лесных пожарах, о человеке в сражениях, о госпиталях, о военных хирургах, о смерти и мужестве, был наш знаменитый аильный певец поэт Мырзабай Укуев. Давно уже нет его на свете. А песни Мырзабая Укуева в округе Манаса помнят и поют по сей день...

Мырзабай Укуев — первый раненый фронтовик, которого мы встретили всем аилом с радостью и оторопью, ибо его сняли с телеги и сунули под руки костыли: он был без ноги. Такого мы никогда не видели. Хромые, кривые были. Но чтобы начисто отсутствовала нога выше колена, такого, по крайней мере мы, мальчишки, никогда не видели. Страшно стало...

В сентябре 43-го Бекбосун Капсаланов (он слева) и Чингиз Айтматов привезли из родного аила в Джамбул колхозный хлеб.

Когда-то он был молодым, красивым учителем. Ездил на сером иноходце, коня так и называли — «мырзабаевский джорго». Песни петь любил Мырзабай и сам сочинял, перебирая струны чертмека. И вот теперь он появился без ноги, неестественно бледный после госпиталей и эшелонов, стоял на костылях, в окружении односельчан, улыбаясь и плача вместе со всеми.

В тот вечер при большом стечении народа Мырзабай спел свои фронтовые песни, сочиненные им в госпитале. То было большим для нас событием. На всю жизнь запомнилось. Все мы были захвачены песней Мырзабая, его рассказом в стихах о войне. Люди слушали затаив дыхание, вспоминая о своих, ушедших на фронт, слушали, утирая слезы... Он пел о себе, о своих однополчанах, но он пел о каждом из нас и в целом о всем народе.

Импровизаторскую устную поэзию трудно переводить и пересказывать. Потому что соль «акынского» стихосложения в самом моменте творчества, в синхронности исполнения и сочинения. И все же попробую. (Сыны разных народов — русский, казах, узбек и киргиз — стали мы в армии роднее родных. Одна у нас мать — наша страна, белым молоком своим вскормила всех нас. Как же сердце наше утерпит, джигиты, если мать наша в беде! Не она ли наша опора, когда в гору крутую идти, не она ли наша надежда, когда с горы крутой спускаться. Поклянемся, как клялись батыры, если смерть, будем лежать на одном поле, если победа, будем стоять на одной горе. Так говорили мы друг другу, приближаясь в лесах к местам боев с фашистами. И уже гудела под ногами земля, как будто великое землетрясение учинилось. И уже падали сверху бомбы, страшным воем своим изгоняя душу из тела и вскидывая черную пыль к небесам. И мы вступали в битву близ Ленинграда...)

Вот так он пел своим аильчанам. И особенно дорого и трогательно было для нас то место в истории Мырзабая, когда воинский эшелон, шедший из Новосибирска на фронт, видимо, изменив маршрут следования, вдруг оказался на линии, проходящей через нашу станцию Маймак. На рассвете, не сбавляя хода, эшелон проследовал, не задерживаясь на станции, через Маймакское ущелье, через тоннель, вдоль Таласского хребта, мимо горы Манас. И, видимо, тогда родились слова, потрясшие нас в пении Мырзабая и ставшие с тех пор нашей аильской песней. То были слова сыновнего прощания, обращения к горам Ала-Тоо:

В стороне от взора остался Ала-Тоо,
Сине-снежный, чистоводный Ала-Тоо.
В стороне от взора остался наш Манас.
Беловерхая, отцовская гора Манас.
До свидания, сине-снежный Ала-Тоо,
Пожелай сынам своим победы над врагом.
До свидания, отцовская гора Манас,
Пожелай сынам своим победы над врагом.
Я в зрачках своих, как в зеркале,
вас увезу с собой —
Сине-снежный, чистоводный Ала-Тоо,
Беловерхая, отцовская гора Манас...

Сколько раз потом доводилось нам петь эту песню при встречах и при расставаниях! А их было немало...

Зимой того года провожали мы восемнадцатилетних парней. Еще недавно, казалось бы, «водились» мы вместе. Пусть чуть постарше, но они были нашими обычными друзьями, товарищами. Теперь эти ребята уходили на фронт. И среди них Джумабай Орунбеков, мой родственник и друг. Он был совсем юн. Учился в школе, потом работал в колхозе. Вот и вся жизнь, которую он отдал на поле брани. Запомнилось, как он первым, когда ребята сели на телегу, запел эту песню:

Я в зрачках своих, как в зеркале,
вас увезу с собой —
Сине-снежный, чистоводный Ала-Тоо,
Беловерхая, отцовская гора Манас...

И они покатили по улице, через аил. Провожающие бежали за телегой. И только Мырзабай остался на костылях стоять на месте, прислушиваясь, как долго еще доносилась с дороги песня расставания с родиной.

Мырзабай Укуев пользовался в нашем аиле поистине большим уважением и почетом. Не было события — будь то собрание колхоза, после возвращения и до конца дней своих Укуев работал счетоводом, всегда состоял членом партбюро, будь то семейные торжества, на встречах и прощаниях,— и в беде и в радостях аила Укуев всегда был желанным, нужным, своим человеком. Мудрым словом и песней он внушал людям надежду, заставлял верить и бороться за победу.

В нашем аиле все от мала до велика гордились им и знали его фронтовую биографию. Знали по именам, с кем он служил, кто они и откуда были те люди, кто командовал ими, ибо обо всем этом рассказывалось в его напетой поэме о войне. Знали, как и при каких обстоятельствах был он ранен и кем спасен.

Случилось это под Ленинградом, в лесах, кажется, летом или осенью 1941 года. В одном из боев рядом разорвался снаряд. Помнит, что что-то ударило в колено. Когда очнулся, то бой все еще продолжался, вокруг все грохотало от стрельбы и разрывов. Истекая кровью, лежал он, не в силах двинуться, и уже прощался с жизнью, когда подползла к нему санитарка. Русская девушка Таня. В аиле ее называли Тания. Если бы знала она, наша Тания, как ею восхищались и как ее любили односельчане Мырзабая Укуева. Жаль, что теперь уже не установить, кто она была, Таня, поскольку Мырзабая Укуева уже нет в живых. Это она успела наложить бинты и сумела вы-

нести его с поля боя. Это о ней пел Мырзабай нам:

...Какая мать родила такую девушку,
Добрей которой не сыскать на свете,—
Та женщина мне стала роднее родной матери.
Какой отец воспитал такую девушку,
Храбрей которой не сыскать на свете,—
Тот человек мне стал роднее отца родного...

Эти строки я привожу, разумеется, в очень приблизительном переводе. Сказовую поэзию, связанную как таковую всецело с моментом живого исполнения ее творца в присутствии слушателей, излагать на бумаге, возможно, не стоит. На бумаге она умирает, как цветок, засушенный между страницами книги.

Послевоенная молодежь Шекера многим была обязана таким фронтовикам, как Мырзабай Укуев. Он очень переживал, что нам пришлось прервать учебу в школе. В сорок четвертом году, когда уже война перекатилась на запад, когда стали возвращаться трудармейцы и многие раненые фронтовики, Мырзабай заторопил нас с учебой. Часть из нас уже тогда вернулась за парты. После войны я поехал учиться в Джамбулский зооветеринарный техникум. Время было, прямо скажу, очень-очень трудное, голодное. Как-то в перерыве между занятиями кричат мне: тебя ищет какой-то человек на костылях. Выбегаю во двор — то был Мырзабай-ака. Улыбается, поглаживая усы. Я тоже очень обрадовался.

— По делам приезжал в город, на базу, дай, думаю, загляну, как ты тут постигаешь науки.

Я ему рассказал о нашем житье-бытье. Доволен остался.

— Пошли на улицу,— заковылял он со двора.— Я там кое-что привез тебе в телеге.

Мы пошли к воротам.

— Вот что,— сказал он мне тогда.— Я знаю, тут нелегко, тут сейчас очень трудно. Но не вздумай бросать учебу. Мы сейчас не имеем такого права. Война кончилась. Если придется уж очень туго, дай знать. Придумаем в аиле что-нибудь. Только учись...

Сверстником Мырзабая Укуева, его другом и таким же для нас наставником в то время был первый комбайнер нашего аила, старый коммунист Тойлубай Усубалиев. Теперь, как мы его зовем, Тойлуке-аксакал, дед многочисленных внуков. Сын его — Сатий Тойлубаев — чабан элитной отары в совхозе «Кок-Сай». У Сатия дети подрастают шеренгой. В большом уважении у потомков своих Тойлубай Усубалиев. Но накануне 30-летия Победы хотелось бы мне сверх того напомнить им, молодым, что Тойлуке в годы войны был тем редким человеком, которого, несмотря на его просьбы, не отправляли на фронт,— он был единственным комбайнером на несколько колхозов. И то, как он работал на комбайне, теперь легенда. И никто не поверит, что такое возможно, ныне даже не возьмутся ремонтировать такие машины — вывезут на свалку, а он жизнь свою вселял в развалины комбайна и делал свое дело... Это о его комбайне я писал в повести «Джамиля». Лето 1944 года, во время уборочной кампании, я работал у него помощником. Когда комбайн был на ходу, пусть то круглые сутки, отдыха мы себе не позволяли... Фронт не ждал, хлеб не ждал... Самое героическое лето в моей жизни. Никогда не забуду тех дней...

И снова весна. Вот уже трава зеленеет по обочинам, бродят стада с приплодом на склонах, на косогорах. Поля пошли разделанные, как зеркало, то озимые, то пропашные. Снова поля, то пропашные, то озимые... Позади остался Джамбул, неудержимо растущий, насыщенный современными темпами урбанизации бывший караванный Аулие-Ата. Отсюда на эшелонах уезжали мои земляки на фронт, сюда на железную дорогу привозили мы свой хлеб для фронта... И вон уже впереди завиднелись под облаками снега Манаса...

Первый секретарь Джамбулского обкома партии Хасан Бектурганович Бектурганов, политрук роты лыжников в обороне под Москвой, как-то сказал в разговоре, что у каждого солдата есть посмертное поручение павших однополчан — сделать жизнь такой, чтобы вспомнить о них, о павших, с гордостью и с чистой совестью.

То же самое мы могли бы сказать о себе, о неисчислимой народной рати тыла военных лет.

Об этом думалось в пути, глядя на снега отцовской горы Манас-Ата.

Берлин, 5 июня 1945 года. Фельдмаршал Б. Монтгомери (Великобритания), генерал армии Д. Эйзенхауэр (США), Маршал Советского Союза Г. К. Жуков и генерал Ж. Делатр де Тассиньи (Франция).

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ПОБЕДЫ РУССКИХ

Маклин БУРГ,
военный историк (США)

Нет никакого сомнения в том, что вклад Советской Армии в окончательную победу над нацистской Германией имеет выдающееся значение. Когда в соответствии с планом «Барбаросса» враг ринулся на западные границы СССР, гитлеровские вермахт и люфтваффе только что прошли триумфальным маршем на Западе, где одна лишь Великобритания избежала вторжения. В июне 1941 года нацистская армия, хорошо обученная и имевшая опыт ведения боевых действий, была серьезным противником. И нельзя не отдать должное Советской Армии, ее боеспособности и боевому духу, благодаря которым она уже в первые месяцы войны, несмотря на тяжелые потери в живой силе и технике, смогла отбросить нацистов от Москвы. А оборона Ленинграда и разгром гитлеровской группировки в Сталинграде! Эти славные победы, известные всему миру, стали сегодня почти легендой. День ото дня, месяц за месяцем Советская Армия становилась мощной силой, выбившей врага за пределы СССР до стен Берлина. Мы должны быть благодарны Советской Армии за ее замечательные победы в борьбе против нацистской Германии, оплаченные ценой великих жертв. Одним из наиболее выдающихся событий второй мировой войны была Сталинградская битва. Уже в 1942 году она стала олицетворением неминуемого разгрома Германии. До этого казалось, что «державы оси» захватили преимущество на всех фронтах и театрах военных действий. И если битвы при Эль-Аламейне и за остров Мидуэй показали, что противник отнюдь не неуязвим, то Сталинград стал самым ярким примером стойкости для всех нас, он вселил в наши сердца окончательную уверенность в победе. Новости из Сталинграда публиковались на видных местах в американских газетах, и я хорошо помню, с каким нетерпением мы ждали вестей с поля величайшей из битв, горевали, когда верх временно одерживали нацисты, и ликовали при каждом сообщении о новом продвижении советских войск.

Отмечая 30-ю годовщину завершения второй мировой войны, мы с удовлетворением констатируем растущее сотрудничество между США и СССР. Культурный и научно-технический обмен на взаимовыгодной основе расширяется, и хотелось бы надеяться на то, что в ближайшие годы сотрудничество наших народов будет продолжаться. Более тридцати лет назад мы знали друг друга значительно хуже и тем не менее сочли возможным выступить плечом к плечу в борьбе за общее дело, несмотря на языковый барьер и разделяющее нас огромное пространство. Сейчас мир стал меньше, и мы начали сознавать, как тесно связаны судьбы народов. Давайте же не забывать о дружбе, рожденной в огне войны, и трудиться сообща на благо мира во всем мире!

Встреча союзников на берегу Эльбы в районе города Торгау (Германия). 26 апреля 1945 года. Фото из библиотеки Д. Эйзенхауэра, город Абилин, Канзас, США.

Щедрая пора цветения.
Фото М. Савина

ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ

Анна ЗЕГЕРС,
председатель Союза писателей ГДР, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

УВЕРЕННОСТЬ

В преддверии тридцатой годовщины освобождения мне вспоминается начало второй мировой войны.

Обстоятельства сложились так, что в тот день я находилась в США, в Эллис Айленде, где по пути в Мексику была интернирована вместе со своей семьей, так как нам отказали во въезде в Нью-Йорк. Та же участь постигла тогда еще около 200 мужчин и женщин. Внезапно распространилась весть, правда, она просачивалась еще и раньше, но для каждого в отдельности это было все равно внезапно: Германия напала на Советский Союз. Все, кто находился в огромном общем зале, были взволнованы и ошеломлены. В этот момент в зал вошел еще один человек, это был Герхарт Эйслер (речь идет об одном из руководящих деятелей Коммунистической партии Австрии, известном журналисте.— **Прим. ред.**), и мы сообщили ему ошеломившую всех нас новость. Сразу стало тихо. Ведь большинству были, очевидно, известны его воззрения, и все с напряжением ожидали его реакции. А он совершенно спокойным голосом произнес: «Советский Союз победит гитлеровскую Германию».

Тогда этот простой ответ показался мне единственно возможным и правильным. Позже, после войны, я иногда спрашивала себя: почему все подлинные антифашисты ни минуты не сомневались в том, что Советский Союз победит Гитлера? Ведь даже в труднейшие времена, когда вермахт вторгся в глубь Советской страны, мы не теряли уверенности в том, что придет день освобождения. Эту уверенность мы выражали в письменной и устной форме, порой путем демонстраций и действий, за которые многим из нас пришлось пострадать. И все же наша уверенность была непоколебима.

Берлин, апрель 1975 года.

Жан **ШАМПЕНУА**

ВОЙНА НАРОДНАЯ, СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Уже в первые недели после нападения гитлеровцев на Советский Союз советские люди осознали, что навязанная им война станет всенародной, войной не на жизнь, а на смерть, актом величайшего самопожертвования. Слово «фашист» стало синонимом бесцеремонного пришельца, явившегося затем, чтобы убивать, насиловать, грабить, угонять в рабство женщин и детей. Советские люди, русские не испытывали ненависти или презрения к немцам вообще. Но война научила их люто ненавидеть германский фашизм. Ведь он, этот фашизм, посягал не только на их жизнь, но и на самые священные завоевания советского народа.

Всенародное движение сопротивления приняло в СССР гигантские масштабы. Партии и правительству удалось сплотить народные массы в монолитный блок, руководить патриотическим порывом тысяч и тысяч. Партизаны держали под огнем весь тыл противника и, несмотря на то, что не носили военной формы, поддерживали в своих рядах настоящую воинскую дисциплину...

...«К оружию, граждане!»— эти слова «Марсельезы» как нельзя лучше передают смысл другой формы организованного участия масс в боевых действиях — народного ополчения. Задачей ополченцев была защита городов, эвакуация населения, попавшего в окружение.

Французский журналист Жан Шампенуа, автор книги «Русский народ и война», отрывки из которой мы публикуем, в годы второй мировой войны представлял в Москве прессу Сражающейся Франции. Сотрудничал в агентстве ГАВАС (затем Франс Пресс), газетах «Либерасьон», «Комба», «Франтирер» и других. Книга «Русский народ и война» вышла в парижском издательстве «Рене Жюльяр» в 1947 году.

До последней капли крови отстаивали свой родной город рабочие СТЗ — Сталинградского тракторного завода. Под артиллерийским обстрелом и дождем авиабомб они продолжали собирать танки, создали соединение, получившее имя «Танковой бригады сталинградского пролетариата». Под командованием инженера-технолога Бычкова, который проявил себя хорошим военачальником, менее полутора тысяч человек противостояли 15 тысячам вражеских солдат. Отборные немецкие части откатывались от заграждений, возведенных рабочими Сталинградского тракторного.

Летом 1943 года танки, на броне которых было написано «Ответ Сталинграда», танки, собранные рабочими СТЗ, приняли участие в разгроме немецко-фашистских войск под Орлом и Курском...

...Важным фактором единства советского общества была возможная только в условиях победившей революции дружба составляющих его социалистических наций и народностей, которым были созданы все условия для всестороннего развития. Незадолго до войны начали складываться кадры национальной интеллигенции среди таких отсталых в прошлом народов, как узбеки, казахи, киргизы и таджики. До революции эти национальности были освобождены от военной службы, теперь они смогли дать Красной Армии достаточное число подготовленных офицеров.

Главной движущей силой многонациональной семьи народов СССР, основным фактором ее дальнейшего сплочения был и остается русский народ, великороссы. Это народ физически сильный, закаленный в единоборстве с суровой природой, способный действовать в любой ситуации и в то же время высокоразвитый духовно.

Храбрость, героизм, презрение к опасности и самоотверженность в высшей степени характерны для русских. В своем подавляющем большинстве русский крестьянин или рабочий воплощает в себе то, что англосаксы называют «Джек — на все руки мастер», и именно это свойство помогает им справляться со всеми превратностями судьбы. Ни при каких обстоятельствах русский не скажет: «Это не мое дело, пусть этим займутся более знающие люди». Он сделает все, чтобы решить поставленную задачу, и вложит в это все свое умение. В минуты острой необходимости русским незнакома усталость. Вспомним о советских механиках из авиаполка «Нормандия — Неман». Это они работали по двадцать часов в день, чтобы обслуживаемые ими самолеты всегда были в боевой готовности! Вспомним и тех, кто создавал эти самолеты. Гитлеровцы захватили ряд промышленных районов, где, в частности, производился алюминий, но советским инженерам Яковлеву, Лавочкину и другим удалось сконструировать машины, которые даже с деревянными частями не только не уступали известным «мессершмиттам» и «фокке-вульфам», но и во многом превосходили их. Производство металла на Урале и в Сибири быстро расширялось, росла и авиапромышленность. Войну русские закончили с новой моделью «Яка», которая, возможно, будет признана лучшим летательным аппаратом своего класса в мире.

А солдаты, армия? Подвиги советских воинов тяжелой осенью 1941 года объясняются не страхом перед наказанием, они продиктованы их высочайшим патриотизмом, сознанием своего неоплатного долга перед Родиной. Советские солдаты шли в бой так же уверенно, как рабочие к станкам, повседневный героизм стал их профессией. Им не хватало орудий, винтовок, гранат? Да, но они брали в руки бутылки с горючей смесью и шли против танков. Пехотинцы закрывали амбразуры своим телом, летчики обрушивали машины на самолеты противника, применяя знаменитый таран. Этот абордаж XX века получил распространение в самый трудный период войны, когда враг еще располагал численным и техническим превосходством в воздухе.

Вспомним о необыкновенной мобильности пехотинцев, которым приходилось делать с боями тридцатикилометровые марши, причем без малейшего беспорядка в своих рядах!..

...Вспомним о морской пехоте, одинаково стойкой в окопах Сталинграда, где бойцы страдали от голода, и на бастионах Севастополя, где они изнывали от жажды! Катера Днепровской флотилии дошли по воде до Берлина одновременно с войсками генерала Чуйкова. В черте германской столицы они разрушали артогнем батареи противника, топили его речные суда...

...В мае сорок пятого Москва салютовала своим героям. «Когда же будет последний салют?»— спрашивали друг друга люди. И этот день настал. Небо над советской столицей вспыхнуло красными огнями — цвета крови, пролитой героями, павшими в развалинах рейхстага и туннелях берлинского метро для того, чтобы жила Москва. В тот час, когда герои штурма Берлина возлагали венки на братскую могилу советских воинов в Тиргартене, другие друзья погибших расцветили небо Москвы гроздьями невиданного салюта. Советский народ отпраздновал этот день так же величественно, как и шел к нему. В горе и радости, буднях и славе он всегда был достоин своей судьбы, урока, преподанного им всему миру.

Весна в Батуми.
Фото И. Тункеля

Обсуждается очередной этап монтажных работ.

8 МАЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 30 ЛЕТ СО ДНЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ГЕРМАНИИ ОТ ГИТЛЕРОВСКОГО ФАШИЗМА

Клаус ХУРЕЛЬМАН
Фото Х. КРЮГЕРА
и Л. ВИЛЬМАНА.

ЗНАКОМЬТЕСЬ — БРИГАДА «РЕАКТОР»

Под Грейфсвальдом, недалеко от балтийского курорта Лубмин, сооружается атомная электростанция «Норд». Первая очередь ее уже действует. Возводить станцию немецким товарищам помогают специалисты из Советского Союза.

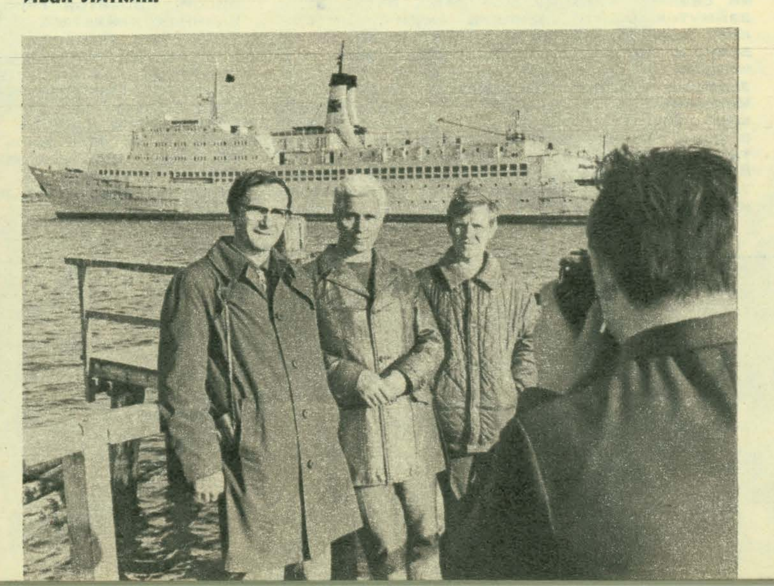
«Первая очередь была нашей школой. Монтаж второго блока станет школьным экзаменом, а третий блок — экзаменом уже на звание мастеров. Наши учителя — советские специалисты. На первом блоке мы только учились. Все было вновь! Без инструкции не могли сделать и шагу. Но как раз тогда мы стали настоящим коллективом». Это говорят члены интернациональной комплексной бригады «Реактор».

Впрочем, «ученики» — не только немецкие рабочие и инженеры. Здесь трудятся и венгерские друзья. Они готовятся к строительству собственной АЭС и вместе с немецкими коллегами приобретают опыт. Как было не гордиться, когда молодежь успешно справилась с первым самостоятельным заданием — провела контрольный монтаж второго блока. На этот раз русские товарищи лишь помогали советом. Все меньше работы переводчику. И все-таки монтаж реакторов — дело нешуточное, хоть рядом и опытные помощники. Не все шло гладко. В таких случаях оказывалось, что ребята с Нововоронежской атомной электростанции не просто монтажники из иностранной фирмы, а друзья, товарищи. Они не ссылались на то, что рабочий день истек, если требовалось исправить ошибку. А ошибки случались: ведь для строителей «Норда» все было впервые.

Участку, где трудится германо-советская бригада «Реактор», удостоенная многих наград, присвоено звание «Участок лучшей организации и безопасности труда». Один-единственный раз в истории округа Росток присуждался этот титул, и его первыми обладателями стали ребята из бригады Ахима Гейница и Всеволода Петрова.

Бригада в сборе.

На память о Штральзунде. В центре — советский инженер Иван Литкин.

СПОРТ

Вячеслав ГАВРИЛИН,
Михаил ШЛАЕН

СКОЛЬКО ВЕСИТ ОТВАГА!

В первый день Великой Отечественной войны Александр Канаки, чемпион и рекордсмен страны по легкой атлетике, явился в военкомат. В своем заявлении он писал: «Наступил момент, когда надо вернуть долг Родине за все ее заботы, за воспитание, которое она дала своим сыновьям. С полной уверенностью в нашу победу я иду на фронт, в бой, за правое дело, за нашу любимую Родину».

На целых четыре года Канаки и многие другие спортсмены стали солдатами и доказали, что спортивная закалка — верное оружие бойца...

Это было под Сталинградом. Батальон под командованием Канаки, форсировав Дон в районе станицы Клетской, устремился в атаку. Неожиданно во фланг ударил пулемет. Александр Канаки был ранен: пуля попала в правую руку, но комбат не остановился, не упал на землю. Стиснув зубы, он устремился вперед, к высоте. Залечь нельзя: мгновенное замешательство — и атака захлебнется. Нет, нужно уничтожить пулеметчика!

Почти на самой вершине Канаки был ранен второй раз, но он все же сумел последним усилием бросить гранату, взорвать пулеметное гнездо. Высота была взята.

Александр МАЗУР, майор запаса, заслуженный мастер спорта, чемпион мира, Европы, СССР по классической борьбе, автор книги «Жизнь борца», рассказывает:

— В годы войны на фронтах воевало немало моих друзей-борцов. Канаки я тоже отношу к ним, поскольку он был не только отличным легкоатлетом, но и одно время пробовал свои силы на ковре. Все они сражались храбро, вернулись домой с многими боевыми наградами. Канаки за бой под Сталинградом был удостоен ордена Красной Звезды. Награда нашла его в госпитале, в Ташкенте, где Александру сделали несколько операций.

Хочу вспомнить еще одного своего товарища по спорту.

Борец Григорий Малинко был семнадцатикратным чемпионом Украины, неоднократным призером первенства страны. Человек исключительной скромности, на фронте он показывал чудеса храбрости и отваги. Особенно отличился Малинко в конце июня 1944 года в боях около местечка Зембин в Белоруссии. Батарея, которой он командовал, уничтожила 17 танков, два миномета, десятки гитлеровских солдат и офицеров.

Спортсмены, о которых я рассказываю, были по нескольку раз серьезно ранены. Малинко однажды посчитали даже убитым. Александру Канаки хирург в госпитале сказал: «Забудьте навсегда о легкой атлетике». Но в 1948 году Канаки вышел в круг для метания молота на харьковском стадионе, где проходил чемпионат СССР, и послал снаряд на 56 метров 13 сантиметров. Это был первый послевоенный рекорд страны.

Александр Канаки, подполковник запаса, ушел из большого спорта 16-кратным чемпионом СССР.

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Осень 1942 года. Блокированный Ленинград. Все снабжение огромного города идет через Ладожское озеро, на самоходных баржах и тендерах Ладожской флотилии.

СМЕНЫ В БОЯХ

В ноябре с причалов порта Кобона сорвало сразу два тендера с бензином. Катера, которые послали вдогонку, из-за огромных волн и сильного ветра никак не могли подойти к ним, и тендеры все дальше и дальше гнало в сторону противника. И тогда в ледяную воду бросился лейтенант Василий Поджукевич, чтобы зацепить тендеры тросом.

За этот подвиг лейтенант Поджукевич, наш известный пловец, был награжден орденом Красной Звезды.

Альпинист Александр Гусев был награжден этим же боевым орденом за выполнение не менее сложного задания. В августе 1942 года гитлеровские альпинисты, прошедшие специальную подготовку в Альпах, установили на Эльбрусе черно-красные флаги рейха. В январе, когда наши части перешли на Кавказе в решительное наступление, командующий Закавказским фронтом генерал армии И. В. Тюленев отдал приказ специальному отряду советских воинов подняться на одну из высочайших вершин Европы, сбросить фашистские штандарты и водрузить советский флаг.

Операцией руководил военинженер 3-го ранга А. Гусев, известный горовосходитель и, кстати, родной брат известного советского поэта Виктора Гусева. Под командованием Гусева находился отряд из двадцати опытных альпинистов, покоривших в мирную пору не одну заоблачную вершину. Подъем шел в непрекращавшуюся снежную бурю, с риском попасть в засаду, наскочить на минные поля, провалиться в трещины. 17 февраля А. Гусев, А. Сидоренко, Н. Гусак, Н. Моренец, Е. Белецкий, А. Багров, братья Б. и Г. Хергиани и их боевые друзья выполнили поставленную задачу.

Павел РОТОТАЕВ, полковник-инженер в отставке, заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер РСФСР, автор книг «Побежденная Ушба», «Покорение гигантов», говорит:

— О делах наших альпинистов в годы войны, о той роли, которую они сыграли на фронте, очень хорошо сказано в книге Маршала Советского Союза А. А. Гречко «Битва за Кавказ». Мне вспоминаются еще два особых задания, выполненных моими товарищами по спорту.

А. Сидоренко и Н. Моренец, участники того памятного восхождения на Эльбрус, а также и другие наши альпинисты летом 1942 года эвакуировали из Тырныауза, расположенного в Баксанском ущелье, полторы тысячи рабочих молибденового комбината и их семьи. К тому времени фашисты перерезали все выходы из ущелья. Оставалась одна, самая опасная дорога — через снежный перевал Бечо, лежащий на высоте 3 тысячи метров.

Этот маршрут и для тренированных людей представляет немалую сложность, что же говорить о людях, никогда не совершавших горных восхождений! Тем не менее все жители, в том числе 230 детей, были благополучно переправлены в долины Сванетии. Успех обеспечили самоотверженность, чувство долга и, конечно, высокое спортивное мастерство руководителей похода.

НЕОБЫЧНЫЕ ДУЭЛИ

В прошлом году чемпионом мира по мотокроссу в классе машин до 250 кубических сантиметров стал ленинградский армеец Геннадий Моисеев. На долю победителя, как это всегда бывает в таких случаях (а случай для нашего спорта не столь уж частый, всего второй советский гонщик выигрывает золотую медаль), пришлись соответствующие награды, аплодисменты, и как-то в тени остался наставник Моисеева Сергей Сергеев. Между тем биография этого замечательного человека, известного в свое время мотоциклиста, а ныне заслуженного тренера СССР, богата яркими, героическими страницами.

«Дорога жизни». Эти несколько десятков километров, связывавших блокированный город Ленина с Большой землей, решали — жизнь или смерть, голод или спасение. Теперь по этой трассе зимой регулярно проводится марафон, и среди участников есть люди, которых Сергеев на своем мотоцикле детьми вывез из Ленинграда — подальше от бомб, пожарищ, голода.

Он почти беспрерывно носился по этой опасной трассе, которую прокладывал вместе с другими гонщиками, возил важные донесения, ходил в разведку, и всегда рядом была смертельная опасность.

Однажды Сергей заметил на льду перед самыми колесами мотоцикла странную пляску льдинок и не сразу догадался, что это значит: его обстреливал фашистский самолет. Пулеметная очередь прошла рядом, а «мессершмитт», развернувшись, вновь начал заходить на цель. Что делать? Сергеев прибавил газа, еще одна очередь взрыла лед. «Ничего у тебя, гад, не получится!» — в азарте борьбы крикнул 19-летний юноша, и в самый последний момент, когда, казалось, «мессер» пошел в решающую атаку, Сергеев на полном ходу выбросился из машины, и опять ледяные смертельные брызги миновали его. Летчик, видимо, подумал, что все кончено, но, едва он улетел, как Сергей подбежал к мотоциклу, завел его и поехал дальше. Донесение было доставлено вовремя...

Немало дуэлей с вражескими снайперами провел Георгий Козлов. Он закончил войну в Праге старшим лейтенантом, помощником начальника штаба бригады, а начал ее молодой прораб Московского метрополитена, мастер спорта по стрельбе добровольцем в истребительном батальоне Куйбышевского района столицы.

Георгий БУЛОЧКИН, подполковник запаса, заслуженный мастер спорта, в годы войны штурман бомбардировщика, имеет на своем счету свыше 300 боевых вылетов, кавалер 16 боевых орденов и медалей, ныне тренер ЦСКА по биатлону:

— В дни 30-летия Великой Победы мы, участники войны, как бы заново переживаем события тех огненных лет. Прекрасно сражался наш замечательный гонщик Сергеев.

А вот боевая история еще двух мастеров спорта. В отдельной мотострелковой бригаде особого назначения служили два спортсмена — Иван Мокропуло и Сергей Щербаков. Первый — известный лыжник, чемпион Вооруженных Сил, второй — прославленный боксер. Во всех боевых операциях они действовали вместе, это была неразлучная «связка». Они выполнили немало особых заданий. Как-то Мокропуло и Щербаков получили срочный приказ: пустить под откос эшелон противника, двигавшийся из Минска в сторону фронта, с живой силой, техникой, боеприпасами. Едва они приблизились к полотну, как над головами вспыхнули осветительные ракеты. Фашисты обнаружили их, надо было срочно отходить, но тогда эшелон пройдет к фронту. И два бойца приняли решение переместиться километра на два в сторону и там попробовать заложить тол. Это был большой риск, гитлеровцы подняли на ноги всю охрану, запросили подкрепление. Два друга бежали по оврагам, утопая по колено в болотной грязи, да еще с грузом взрывчатки. Вот где пригодилась спортивная закалка. Фашисты, начавшие было их преследовать, не выдержали темпа, отстали, и Мокропуло и Щербаков с честью выполнили боевое задание.

ОНИ БЫЛИ СОЛДАТАМИ

— Можете ли вы мне показать солдата, который взял меня в плен? Должно быть, это сильный мужчина? — сказал на допросе гитлеровский унтер-офицер, которого природа не обделила силой. Каково же было его удивление, когда в землянку пригласили девушку.

— Фрау? — пролепетал фашист и схватился за голову.

...«Язык» потребовался срочно. В маскировочных халатах несколько наших бойцов, и среди них Саша Иванова, продвигаясь в разминированном саперами проходе, наткнулись на вражескую разведку. Завязалась рукопашная. Увидев, что один из гитлеровцев старается незаметно отползти в сторону, Александра решительно бросилась за ним, навалилась, связала руки, воткнула кляп и потащила к своим.

Красный флаг над Эльбрусом.

Фото участника операции альпиниста А. Сидоренко.

Унтер-офицер дал ценные сведения, а Иванова была награждена медалью «За отвагу».

Вскоре после этого, в бою под Мгой, Александра Иванова подняла в атаку лыжный батальон. Тут она, мастер спорта, многократная чемпионка Вооруженных Сил, неоднократный призер первенства страны по лыжам, была в своей стихии. «Зимняя кавалерия» прорвала оборону гитлеровцев. За смелость и решительность Александра Иванова получила орден Отечественной войны II степени.

Елена КАРПОВИЧ, майор медицинской службы запаса, заслуженный мастер спорта, неоднократная чемпионка СССР по легкой атлетике, вспоминает:

— Александра Иванова была не только смелой разведчицей, но и отважной санитаркой. В первый же день прорыва ленинградской блокады, когда повсюду шли ожесточенные сражения с врагом, она вынесла с поля боя 43 раненых солдата и офицера, а всего спасла жизнь более ста нашим воинам, причем некоторым оказывала первую помощь прямо на поле боя, часто под сильным огнем противника...

На четыре года война стала не только мужским, но и женским делом.

М. И. Блантер. Фото Дм. Бальтерманца.

В ЛЕСУ

А. СОФРОНОВ

В детстве мы пели всякие песни: от знаменитой жаровской «Взвейтесь кострами, синие ночи» до модных в ту пору фокстротов или таких городских романсов, как «Дорогой длинною». До сих пор, бывая в Ростове-на-Дону и проходя по бывшей Сенной улице, я невольно останавливаюсь возле каменных ступенек небольшого домика, где мы за полночь под аккомпанемент мандолины самозабвенно пели:

Дорогой длинною,
И ночью лунною,
И с песней той, что вдаль летит, звеня,
И с той старинною,
С той семиструнною,
Что по ночам так мучила меня.

Насколько нас мучили «семиструнные», трудно сказать, но то, что мы мучили своим пением жильцов,— безусловно. Однажды ночью приоткрылась калитка, и сонный дядя окатил нас из ведра холодной водой.

Несколько лет назад, проходя по Бродвею, я снова услышал эту же песню, но уже исполнявшуюся на английском языке, с несколько измененной мелодией. Так песня двадцатых годов композитора Бориса Фомина перебралась, минуя десятилетия, через моря и океаны во все страны мира.

В ту пору я еще учился в седьмом классе и руководил школьной «живой газетой». Мы всё писали сами, играли сами, режиссировали сами. Все у нас было тогда в школе: хороший спортивный зал с небольшой сценой; добрые, внимательные преподаватели, умевшие заметить и поддержать влечения учеников, и даже издания «Синей блузы», которыми мы руководствовались для сверки, когда писали сценки, песенки, диалоги и частушки. Не было у нас только одного — своей музыки. Но и тут мы выходили из положения: на готовые мотивы сочиняли свои слова. В ту пору очень популярным был фокстрот «Джон Грей». До сих пор остались в памяти слова:

Джон Грей
Был всех сильнее.
А Кетти
Была милее
Всех на свете...

И этот фокстрот и другие мы пользовали для программ нашей «живой газеты». Правда, преподаватели после наших выступлений говорили нам с некоторым сомнением: «Как-то не сходятся слова с музыкой». Наверно, не сходились. Но что мы могли понимать тогда — ученики седьмых, восьмых и девятых классов — в единстве формы и содержания?

Все приходило к нам постепенно — и форма и содержание. Уже через много-много лет узнал я, что и «Джон Грей» и другие популярные в ту пору песенки принадлежали молодому композитору Матвею Блантеру. Наверно, это было для него своеобразной мелодической школой, а может, и трамплином, от которого надо было оттолкнуться, чтобы прийти к новой мелодике и новому содержанию песен. Во время встреч с Матвеем Исааковичем я не раз слышал его размышления насчет того, что решает успех той или иной песни.

«Прежде всего должны быть хорошие стихи... Не текст, не слова, а именно стихи. Когда объявляют: текст такого-то, мне уже становится скучно... Или — слова? Порознь взятые слова? Что это, искусственное сочетание? Конечно, стихи создаются из слов. Но — стихи! Должны быть стихи, рождающие образ, действующие на чувства!» — говорил Блантер.

В самом деле, перебирая в памяти лучшие песни композитора (а мне кажется, что не лучших у него нет), почти всегда встречаешься с хорошими стихами. Не знаю, как рождались «Песня о Щорсе» и «Партизан Железняк». Но хорошо знал очень своеобразного поэта Михаила Голодного, написавшего за свою жизнь не так уж и много, но оставившего доброе поэтическое наследство, особенно в книге, где были такие превосходные стихи, как стихи о судье Горбе и о Верке вольной... До того, как появился эпический, настоянный на романтических образах фильм Александра Довженко «Щорс», уже из уст в уста передавалась песня Голодного и Блантера о Щорсе. И самое интересное, что стихи и музыка не то чтобы совпали,— они как бы дополняли и поднимали друг друга. Порой до сих пор кажется, что сопровождает этот киношедевр Довженко песенный шедевр Блантера. И можно смело сказать, что песня о Щорсе никогда не умрет. Так же, как и не умрет никогда имя легендарного Щорса. Надо было почувствовать запахи, широту украинской степи, ее ковыльный разлив, героическую жизнь украинских партизан, воплотившуюся в образе одного из них.

Когда-то Михаил Голодный, с которым мы были дружны, сказал:

— Знаешь, Анатолий, Матвей какой-то странный человек... берет обыкновенные стихи и превращает их в необыкновенные песни.

— Но стихи, Миша, стихи... Хорошие стихи!..

— Да, конечно, хорошие... Но разве даже самые лучшие стихи будут люди, сидя за столом, коллективно декламировать? Или со сцены?.. Матвей дает хорошим стихам такие крылья и такой мотор, которые не имеют износа... У них вечный ресурс...

Во время одной из встреч в Берлине в тихом доме замечательного певца Эрнста Буша я спросил у него:

— Скажите, Эрнст, во время войны в Испании, где вы много выступали в частях республиканцев, какие песни пели и какие лучше всего принимались?

Буш ответил не сразу. Как давно все это уже было: и дымные улицы Мадрида, и суровые скалы Гвадалахары, и воспаленные глаза республиканских солдат.

— Республиканцы любили многие песни. Но главное, что трогало их души,— это все, что было связано с мужеством. Это время было не для кастаньет!.. Да, не для кастаньет... Я пел им разные песни — и наши, немецкие, рот-фронтовские... Но одна из них находила особый отклик... «Партизан Железняк». Эту песню русского поэта и русского композитора они принимали восторженно. Я пел ее на немецком языке... Но понимали меня все. И не только потому, что в песне было одинаково звучащее на многих языках слово «партизан». Не только поэтому!.. Сама мелодическая структура песни настолько мужественна, я бы сказал, мобилизационна, что песня брала за самое сердце... Она была в тот момент как бы песней республиканской Испании. Я очень люблю

ПРИФРОНТОВОМ...

вашего Блантера. Он прекрасно знает душу каждой песни. Именно каждой.

А какой была, есть и будет знаменитая «Катюша», исполненная в конце тридцатых годов во время первого концерта государственного джаза, дирижировал которым талантливейший музыкант Виктор Кнушевицкий? В самом деле, что это за песня, уже почти сорок лет не просто гуляющая по землям планеты, но и сплачивающая людей, заставляющая улыбаться друг другу людей, до этого совершенно незнакомых?

— Как все это произошло? — спросил я как-то Матвея Исааковича, когда мы сидели у рояля и он меланхолически перебирал клавиши.

— Не знаю,— улыбнулся Блантер.— Однажды утром я прочел в газете стихи Михаила Исаковского и понял: они могут стать песней... Хорошей песней... И я написал ее... Впрочем, как и другие стихи Исаковского...

— «Летят перелетные птицы», «Враги сожгли родную хату», «В лесу прифронтовом»...— продолжил я.

— Да... Последняя мне особенно близка. Дело в том, что мы с Тихоном Хренниковым по приглашению Василия Ивановича Чуйкова были у него на КП во время штурма Берлина. Война была уже на самом исходе. Мы были взволнованы тем, что стали если и не участниками, то хотя бы близкими свидетелями конца гитлеризма... Солдаты, солдаты... Вот кто вдохновлял нас в ту пору. С ними всегда была музыка, были наши песни. Это особое счастье — чувствовать себя вечным солдатом, хотя бы и в лесу прифронтовом. Что касается лично меня — если это вообще можно назвать темой, то она, а верней, существо ее было и осталось в моей работе главным. Думаю, вы меня понимаете?

Я хорошо понимал Блантера. Понимал уже очень давно. Сегодня видятся многие стороны не только его таланта, но и характера. Особенности склада его души.

Я хочу вернуться к «катюшам». Не к улыбчивой, лиричной блантеровской «Катюше», а к тем грозным установкам, которым самими солдатами во время Великой Отечественной войны с полным пониманием было присвоено это имя.

Я находился в должности писателя армейской газеты с начала войны на Западном фронте (газета «К победе» 19-й армии, которой командовал тогда еще генерал-лейтенант Иван Степанович Конев), когда, пережив горечь отступления от границ Белоруссии к Вязьме и Дорогобужу, однажды мы испытали хотя и короткое, как вспышка, но такое же яркое чувство торжества. На одном из участков фронта, который занимала наша армия, шли испытания «катюш». Испытания — в бою! Потрясенные, ходили мы по немецким позициям. Все вокруг было повержено в прах, сметено черным пламенем. Это и были огнедышащие «катюши». Чувство удовлетворения осталось навсегда в душе от этой картины. Значит, и сила песни хотя и неравнозначна по смыслу, но по силе была столь могуча, что ею можно было наречь такое грозное оружие!.. Потом за годы войны мы видели и многое другое, что наполняло наши сердца чувством высокой гордости за родную армию и нашу страну. Но та первая картина, пожалуй, была самой впечатляющей. А через несколько дней на дороге, ведущей к фронту, по странному совпадению меня и моего товарища, раненных, подобрал в свою машину человек, которому было поручено испытание этих «катюш» на нашем участке фронта. Четыре месяца в госпиталях Москвы и Горького... Трудные месяцы глубокой осени 41-го года. И вот я снова в Москве, в резерве Главного Политического Управления. Однажды, получив увольнительную, я отправился в Музгиз; закончил там свои дела и хотел было уже идти, когда вдруг кто-то придержал меня за рукав шинели.

— Одну минуту, Софронов,— сказал он.— Вы из Ростова?

— Да.

— Давайте познакомимся, моя фамилия Блантер.

— О! — только и мог сказать я.

— Напишем с вами песню о Ростове, о том, как наши войска разбили там немцев? Думаю, это вам должно быть близко?

— Еще бы... Но сумею ли...

— Сумеете... Мы же в некотором роде знакомы — по одной пластинке. Это я предложил исполнить вашу песню с Сигизмундом Кацем «Как у дуба старого» в государственном джазе... С тех пор, можно сказать, мы с вами породнились: на одной стороне пластинки «Катюша», а на другой — ваша песня. Я живу в гостинице «Москва». Сколько вам понадобится времени?

— Недели две.

— Буду ждать,— сказал, прощаясь, Блантер.

Недели через три я постучал к нему в номер. Блантер был не один. Возле рояля стоял поэт Виктор Гусев; его стихи и пьесы мы все любили. Я протянул стихи Блантеру.

— Вот, Матвей Исаакович.

Блантер несколько смущенно поднялся от рояля.

— Как быть,— сказал он,— мы уже написали с Гусевым такую песню... Что будем делать, Виктор?

— Дайте мне, Софронов, текст,— проговорил Гусев и молча начал читать. Потом обернулся к Блантеру и как-то очень просто сказал: — Мотя, эти стихи лучше. Напиши песню на слова Софронова, ведь он из Ростова. А наша с тобой песня не пропадет...

Так и родилась песня «Ростов-город», первым исполнителем которой по радио был Леонид Утесов, когда февральским завьюженным вечером 1943 года в эфире прозвучала весть об освобождении Ростова-на-Дону, на этот раз уже навсегда.

Конечно, это история рождения всего лишь одной из песен. Таких эпизодов в творческой жизни Матвея Блантера немало.

Вспоминается история еще одной превосходной песни Блантера. Лет десять назад, встретив его на одном из вечеров, я спросил, есть ли новое.

— Есть,— весело ответил Блантер.— Как вы относитесь к Сельвинскому?

— Очень хорошо.

— Я нашел у него великолепные стихи... И, конечно, написал песни.

Через несколько дней Матвей Исаакович приехал к нам в «Огонек». Мы собрались возле рояля. Блантер достал ноты и запел. О том, как Блантер поет, писать трудно. Пожалуй, ни одна певица или певец не обладает таким тонким, филигранным исполнением. Так и появилась на страницах «Огонька» «Черноглазая казачка» — одна из жемчужин советских песен.

Однажды Блантер сказал мне:

— Вы живете неправильно. Каждый уважающий себя поэт должен побывать в частях наших войск. Поедемте в Южную группу войск. В Политуправлении Советской Армии обрадуются, если мы с вами выступим перед солдатами и офицерами.

И вскоре поздней ночью мы ступили на перрон Будапештского вокзала. Это были прекрасные десять дней, во время которых мы еще раз познали истинное наслаждение от общения с теми, для кого пишем. Зачарованно слушали бойцы исполнение композитором собственных песен. Есть какая-то особая магия в этом. Казалось бы, голос не такой уж и сильный, но весь он обращен к душе слушателей.

Конечно, в коротком и совсем не музыковедческом очерке трудно со всей тонкостью разобраться в музыкальной первооснове творчества Матвея Блантера. Откуда идет мелодика его песен, нежная структура его мелодий? Кто возьмет на себя смелость исчерпывающе ответить на этот вопрос? И все же я бы позволил себе ответить на это сравнительно однозначно: идет от большого таланта художника. От верности принципам чистого, не замутненного скоропреходящей модой мелодизма. От ясного понимания своих задач: писать для народа, не подделываясь под распространенные ныне попевочки и всяческие музыкальные и текстовые алогизмы. А главное — от сознания своей необходимости людям, так же как и от реальной возможности активного участия в жизни социалистического общества, которому он принадлежит, с которым связан всеми корнями творчества.

...Не так давно мы снова написали с Матвеем Исааковичем две песни. Писать с ним невероятно трудно. Он отлично чувствует звучание, я бы даже сказал, весомость каждого слова. Он придирчив и требователен к каждой строке, к каждому слову. И не только к слову, но и к каждому такту музыки. Не один раз он скажет, прежде чем выпустить песню из рук: «Подождите, я не все еще сделал. Пусть полежит». И лежит. И долго лежит, пока наконец однажды не появится искомое звучание... И еще будет лежать, уже после того, когда, казалось бы, все готово, все проверено.

Новые песни мы записали на магнитофонную ленту. Блантер сидел за роялем и пел, а его записывали. Через несколько дней мы снова встретились. Слушали его рассказы о встречах с людьми. Тут я и вспомнил песню Бориса Фомина «Дорогой длинною». Блантер улыбнулся:

— Я хорошо знал его, хотя и познакомился при странных обстоятельствах. Однажды ко мне пришел незнакомый человек, протянул ноты и сказал: «Помогите аранжировать этот романс, я заплачу вам за это». Прямо говоря, я был в ту пору весьма необеспеченный молодой человек. Но когда я развернул ноты, то понял: романс надолго. Я сделал все, о чем просил меня этот не очень музыкально грамотный, но очень одаренный человек. Когда он снова пришел, я сказал: «Это настолько хорошо, что брать с вас деньги было бы кощунством». Вы знаете этот романс. Он с ужасным текстом, но его поют до сих пор. «Только раз бывают в жизни встречи...» Человек был тем самым композитором, что написал и «Дорогой длинною»... Борис Фомин.

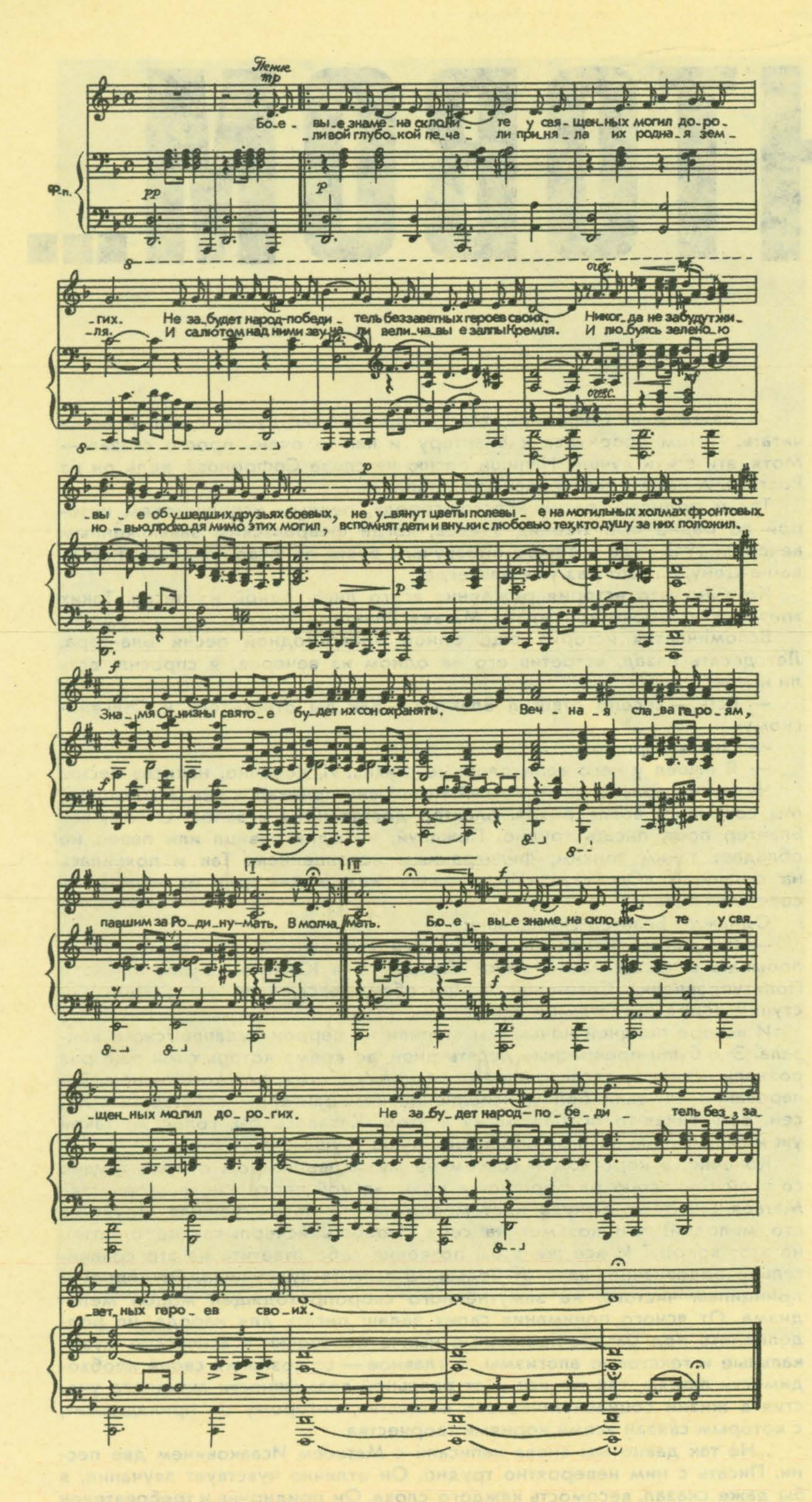
Мы включили магнитофон, и комната наполнилась голосом Блантера.

Он сидел молча. Слушал. А когда запись окончилась, озорно улыбнулся и даже с некоторым удивлением сказал:

— И это в семьдесят два года?!

Вот это и есть вечная молодость. Вечный талант народного художника Матвея Исааковича Блантера, чье творчество всегда было, есть и будет близким и необходимым нашей Родине.

А это и есть самое высокое счастье для художника.

ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯМ

Слова В. ЛЕБЕДЕВА-КУМАЧА
Музыка М. БЛАНТЕРА

Боевые знамена склоните
У священных могил дорогих.
Не забудет народ-победитель
Беззаветных героев своих.
Никогда не забудут живые
Об ушедших друзьях боевых,
Не увянут цветы полевые
На могильных холмах фронтовых.

Знамя Отчизны святое
Будет их сон охранять.
Вечная слава героям,
Павшим за Родину-мать.

В молчаливой, глубокой печали
Приняла их родная земля.
И салютом над ними звучали
Величавые залпы Кремля.
И, любуясь зеленою новью,
Проходя мимо этих могил,
Вспомнят дети и внуки с любовью
Тех, кто душу за них положил.

Знамя Отчизны святое
Будет их сон охранять.
Вечная слава героям,
Павшим за Родину-мать.

Боевые знамена склоните
У священных могил дорогих.
Не забудет народ-победитель
Беззаветных героев своих.

НОВЫЙ ДЕНЬ САЙГОНА

Виктор КУДРЯВЦЕВ **Фото ТАСС**

Еще совсем недавно этот город был символом продажного режима, грабившего и разорявшего страну. Здесь был рай для спекулянтов рисом, разбогатевших на взятках чиновников, торговцев «живым товаром», генералов марионеточной армии, промышлявших на солдатском довольствии. Они любили собираться на открытой террасе отеля «Континента пэлис», чтобы «на закате выпить стакан вина». Здесь шло беспробудное пьянство. Более утонченные снобы направлялись в ресторан «Пагода», где за чашкой кофе совершались крупные сделки: торговали валютой, наркотиками, старинным вьетнамским фарфором.

В газетах сообщалось о бесконечных скандалах: то один высокопоставленный чиновник проворовался, то другой... Газета «Сайгон пост» публиковала объявления: «Богатая владелица антикварного магазина, семидесяти лет, хочет выйти замуж за иностранца, предложив половину своего состояния в обмен на иностранный паспорт».

В президентском дворце грызлись за назначения в правительстве, за выгодные местечки. В марионеточном «парламенте» драки, потасовки происходили чуть не каждую неделю.

В тюрьмы бросали по малейшему подозрению в связях с патриотическими силами. В застенках томились 200 тысяч человек.

В центре Сайгона строились современные здания с бассейнами на крышах. Окраины города, район порта утопали в сыром, промозглом тумане — здесь в жалких хижинах, в сооружениях из картона и ржавой жести жили бедняки. Для них родной город был скорее мачехой — постоянный голод, безработица, толпы нищих заполняли улицы Сайгона.

И такова же была агония этого грязного и жадного режима. В последние дни марионетки, произнося громкие слова о «спасении страны», думали лишь о том, как спасти свою шкуру и награбленные богатства. Когда Тхиеу сбежал в Тайбэй, он не забыл унести с собой то, что нажил. Самолет доставил 30 мест, которые он захватил из Сайгона. Прилетев в аэропорт, он воздержался от политических заявлений. Его больше всего интересовал груз — это были драгоценности. А еще раньше он нанял швейцарскую авиакомпанию «Бал-эр» — перебросить 16 тонн золота в Европу: пригодится на черный день...

Накануне падения режима в одной сайгонской газете появилось объявление: «Профессор Сингх, самый известный астролог в Азии, предскажет вашу судьбу». Вряд ли бежавшим в панике марионеткам стоило к нему обращаться. Народ решил их судьбу, и решил навсегда...

Кончилась история Сайгона времен клики Тхиеу и ему подобных. Началась история нового Сайгона, как и других городов и сел Южного Вьетнама.

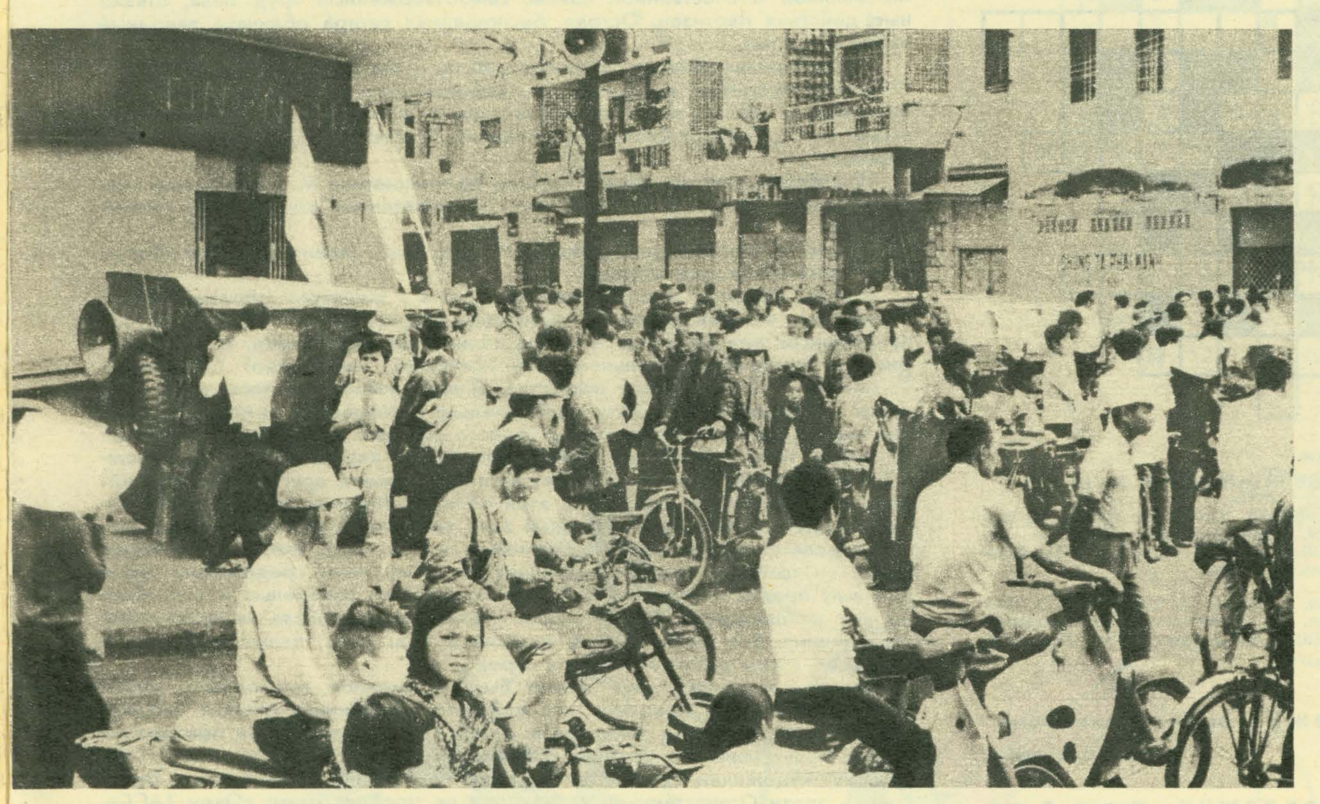
Обстановка в Южном Вьетнаме быстро нормализуется. Сайгон и другие города обеспечены электричеством, водой. Работают медицинские учреждения. На улицах и площадях городов и деревень рабочие и крестьяне, интеллигенция и учащиеся, представители патриотически настроенных деловых кругов, профсоюзные объединения проводят митинги в поддержку новых органов революционной власти. Бойцы освободительной армии помогают жителям ликвидировать последствия хозяйничанья марионеточного режима. Проблем, конечно, много. Нужно помочь населению, насильственно изгнанному марионеточной армией из родных мест, наладить снабжение ряда городов и селений, починить дороги, пострадавшие от военных действий. Агентство печати Освобождение официально объявило о полной ликвидации административного аппарата и военной машины марионеточного режима на всей территории Южного Вьетнама.

Министерство иностранных дел Республики Южный Вьетнам опубликовало заявление Временного революционного правительства, в котором говорится, что ныне ВРП РЮВ осуществляет всю полноту власти на территории Южного Вьетнама и располагает, таким образом, полномочиями регулировать отношения Южного Вьетнама с зарубежными странами.

Долгожданная мирная жизнь пришла в Южный Вьетнам. Знамя свободы, знамя родины реет на ветру над Сайгоном. В полях крестьяне расчищают рисовые каналы. Согласно вьетнамскому календарю, скоро начнется сезон дождей.

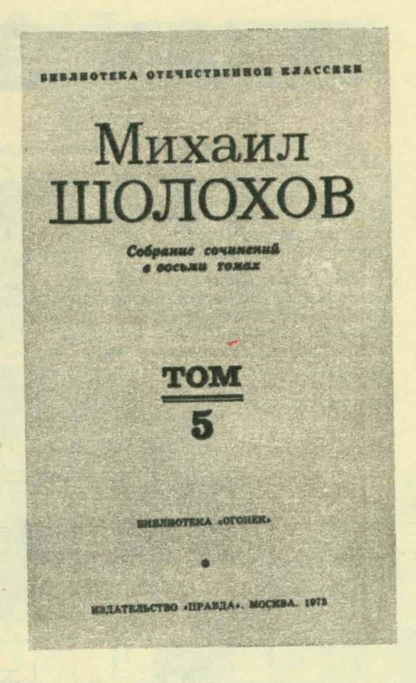
Жители древней столицы Вьетнама Хюэ радостно встретили воинов-освободителей.

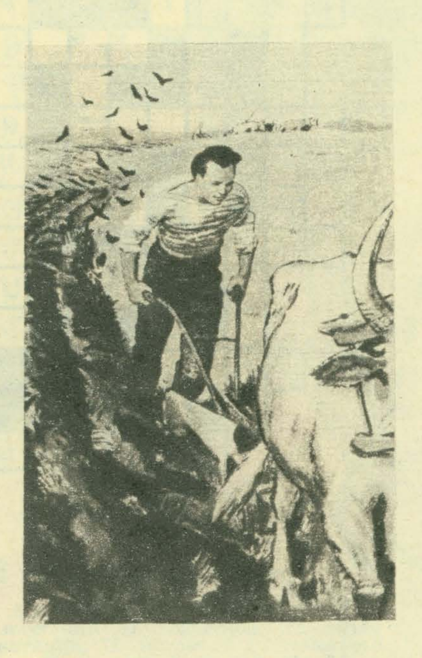

Сегодня в Дананге. Центр города, как всегда, многолюден.

Быстро нормализуется обстановка в освобожденных районах Южного Вьетнама. Крестьяне приступили к проведению очередных полевых работ.

ШОЛОХОВ

В ИЗДАНИИ

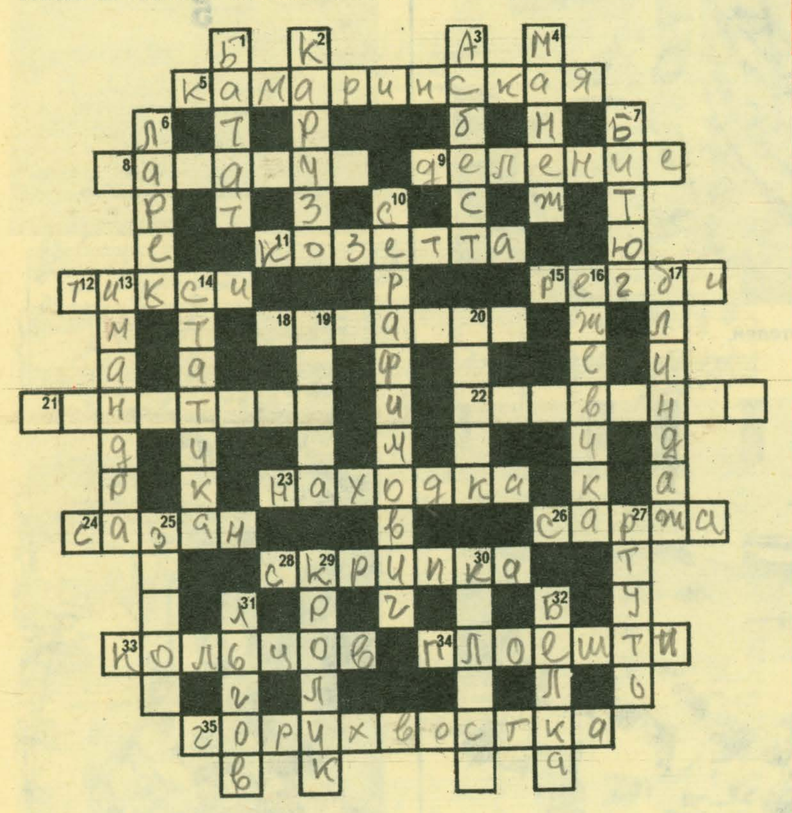
«ОГОНЬКА»

В пятом томе юбилейного собрания сочинений Михаила Шолохова напечатана первая книга романа «Поднятая целина» с иллюстрациями О. Верейского.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Русская плясовая песня. 8. Курорт в Читинской области. 9. Математическое действие. 11. Персонаж романа В. Гюго «Отверженные». 12. Бухта моря Лаптевых. 15. Спортивная игра. 18. Озеро в Казахстане. 21. Гармоничность движений. 22. Повесть в стихах М. Ю. Лермонтова. 23. Порт в Приморском крае. 24. Рыба семейства карповых. 26. Ткань для подкладки. 28. Струнный инструмент. 33. Русский поэт. 34. Город в Румынии. 35. Певчая птица.

По вертикали: 1. Сладкий картофель. 2. Итальянский певец. 3. Огнестойкий минерал. 4. Арена цирка. 6. Торговая палатка. 7. Приток Дона. 10. Советский писатель. 13. Река на Кольском полуострове. 14. Раздел механики. 16. Ягода. 17. Оборонительная постройка. 19. Ящерица. 20. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Мазепа». 25. Грамматическая глагольная категория. 27. Жидкий металл. 29. Животное семейства зайцев. 30. Часть декорации. 31. Рассказ И. С. Тургенева из «Записок охотника». 32. Пушной зверек.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали: 5. Пятигорск. 8. Днепр. 10. Алеко. 11. Зурна. 12. Карагач. 14. «Морозко». 18. Кинетика. 19. Волейбол. 20. «Скифы». 21. Бергамот. 23. Дагестан. 27. Криптон. 28. Перекат. 29. Клодт. 31. Бордо. 32. «Егерь». 33. Астрахань.

По вертикали: 1. «Спартак». 2. Страз. 3. Гроза. 4. Экватор. 6. Беранже. 7. Мефодий. 9. Крашенинников. 13. Амфитеатр. 15. Куропатка. 16. Пластов. 17. Давыдов. 22. Гиппарх. 24. Саженец. 25. Водолаз. 26. Печенье. 29. Каюта. 30. Толай.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Берлин. Знамя Победы над рейхстагом.

Фото Е. Халдея.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Москва. 9 мая 1945 года.

Фото А. Устинова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. КУДРЯВЦЕВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 14/IV — 75 г. А 00570. Подп. к печ. 4/V — 75 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 706. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 455.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Работники «Окон ТАСС» на приеме у Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина в Кремле. 19 декабря 1942 года.

«ОКНА ТАСС» 1941–1945

Под таким названием в Москве открылась выставка, на которой представлены политические плакаты, созданные видными советскими художниками и поэтами.

Первый плакат «Окон ТАСС» появился на улицах столицы в июне 1941 года. С тех пор до конца войны почти ежедневно можно было увидеть новые произведения, ставшие своеобразной живописной газетой, в которой прославлялись мужество и героизм советских воинов на фронтах Великой Отечественной войны, самоотверженный труд тыла, отважные действия партизан. Острая, беспощадная сатира обличала звериный облик фашизма.

Правительство высоко оценило работу участников «Окон ТАСС»: в 1942 году писателям и художникам, работавшим над их созданием, было присуждено девять Государственных премий. Их получили С. Маршак, Кукрыниксы, П. Соколов-Скаля, Г. Савицкий, Н. Радлов, П. Шухмин, М. Черемных.

19 декабря того же года в Кремле по инициативе М. И. Калинина состоялась его беседа с художниками, выпускавшими эти острые, меткие плакаты.

«Огонек» печатает выдержки из текста выступления Михаила Ивановича Калинина на этой встрече:

«Среди плакатов наших художников есть... шедевры, образцы такого мастерства, что они являются настоящим искусством. Вспомните рисунки Кукрыниксов или Ефимова, — когда люди видят их подпись, то на самый рисунок смотрят пристальнее. Это искусство, мастерство? Безусловно.

Плакат — это массовое искусство. Плакат добивается того, чтобы человек не прошел мимо него, а обязательно остановился. И чем пристальнее народ будет смотреть, тем большего эффекта этот плакат достигнет.

Выбор темы плаката во многом зависит от характера самого художника: один любит героику, находит ее и изображает, другому более свойственна сатира, и он работает в этой области. Незачем ставить вопрос — то или другое, героика или сатира? Мне кажется, надо использовать все, что поддается плакатному изображению в том духе, который наиболее свойствен тому или иному художнику, и даже теми средствами, которые ему предпочтительнее: карандашом, маслом, акварелью и т. д. Нужно все использовать, и не следует ставить какие-нибудь искусственные ограничения. Все должно быть пущено в ход; ведь плакат — искусство массовое, с ним художники идут в народ.

Плакат — искусство, хотя, может быть, временное, преходящее искусство, не вечное. Я понимаю, что каждому художнику хочется создать произведение, которое жило бы в веках. Плакаты же, когда пройдет их время, будут лежать в архивах. Но мне лично кажется, что даже с этой стороны художники-плакатисты не могут обижаться. Когда люди будут изучать эпоху Отечественной войны, они не пройдут мимо «Окон ТАСС», как не пройдут мимо «Окон РОСТА» при изучении Октябрьской революции.

И серьезный историк, и будущий художник, касаясь эпохи Отечественной войны, обратятся к этому материалу.

Сейчас плакаты имеют большое влияние на массы, и в истории они, возможно, переживут некоторые картины. ...Перед художниками стоит другой вопрос — вопрос практический: как они своей профессией могут помочь фронту, нашим бойцам.

Вот в этом отношении у художника-плакатиста особенно благоприятное положение. Его произведения должны оказывать практическое влияние на исход войны, на увеличение стойкости красноармейцев, на увеличение их храбрости. А это сейчас самое главное. Ведь каждый сейчас чувствует настоятельную потребность хоть чем-нибудь непосредственно помочь войне, оказать влияние на ее исход.

Что же касается плаката, то это — агитация сегодняшнего дня. Вопрос заключается только в его влиянии и распространении: чем больше он производит впечатления, чем больше он распространен, тем большую помощь он оказывает войне».

* * *

И вот сегодня, глядя на яркие, запоминающиеся плакаты «Окон ТАСС» эпохи Великой Отечественной войны, мы ясно ощущаем силу этого грозного оружия, которым сражались за победу наряду с воинами Советской Армии художники и поэты: Кукрыниксы, Бор. Ефимов, А. Жаров, К. Симонов, В. Горяев, Н. Денисовский, П. Соколов-Скаля, С. Щипачев, С. Наровчатов, Л. Сойфертис, М. Соловьев, Г. Савицкий, Н. Радлов, П. Шухмин, М. Черемных и многие другие.

ОКНО ТАСС №1233

УДАР В СЕРДЦЕ

Художники **КУКРЫНИКСЫ**

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663